
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Основан
1 апреля 1923 года

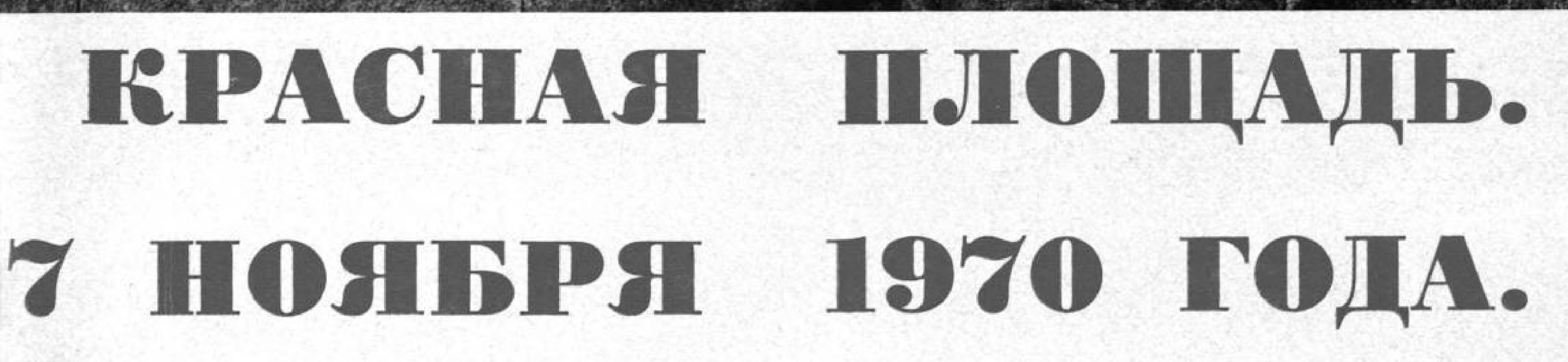
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 46 (2263)

14 НОЯБРЯ 1970

МОСКВА.

Фото
Дм. Бальтерманца,
А. Бочинина,
А. Гостева,
А. Награльяна.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.
7 НОЯБРЯ 1970 ГОДА.

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩА

ДЬ. 7 НОЯБРЯ 1970 ГОДА.

Москва, 6 ноября. Кремлевский Дворец съездов. В президиуме торжественного заседания, посвященного 53-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

СОТРУДНИЧЕСТВО КРЕПНЕТ

Важным вкладом в дело укрепления нерушимой дружбы и интернациональных связей, объединяющих народы Советского Союза и ГДР, явился официальный дружеский визит в нашу страну делегации Народной палаты Германской Демократической Республики во главе с Председателем Народной палаты, заместителем Председателя Государственного совета ГДР Геральдом Гёттингом.

Немецким товарищам, прибывшим по приглашению Верховного Совета СССР, был оказан сердечный, дружеский прием.

9 ноября в Кремле делегацию Народной палаты ГДР приняли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

С глубоким удовлетворением было отмечено, что разностороннее сотрудничество между ГДР и СССР крепнет и расширяется на благо обеих стран, в интересах мирового содружества социализма.

На снимке: встреча товарищей Л. И. Брежнева и Н. В. Подгорного с делегацией Народной палаты Германской Демократической Республики.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

В ИНТЕРЕСАХ СО

3 ноября Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал протокол между СССР и Финляндской Республикой о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 апреля 1948 года. Протокол был подписан в Москве 20 июля 1970 года и одобрен Комиссиями по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Заседание Президиума Верховного Совета СССР открыл Н. В. Подгорный.

Министр иностранных дел СССР

С докладом «Под знаменем Великого Октября — к победе коммунизма» выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Фото А. Гостева.

ВЕТСКОГО СОЮЗА И ФИНЛЯНДИИ

А. А. Громыко, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Б. Н. Пономарев и другие товарищи, выступившие на заседании, отметили, что продление договора между СССР и Финляндией имеет большое значение не только в плане дальнейшего развития отношений между двумя странами, но и для дальнейшего упрочения мира в Европе и во всем мире.

Протокол о продлении срока действия советско-финляндского договора 1948 года был единодушно одобрен Парламентом Финляндии и ратифицирован Президентом Финляндской Республики Урхо Калева Кекконеном.

Члены Президиума Верховного Совета СССР единогласно утвердили Указ о ратификации протокола. Н. В. Подгорный подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР и ратификационную грамоту.

На снимке: Москва, Кремль. 3 ноября 1970 года. Заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Фото А. Устинова («Правда»).

ХЛЕБ СТРАНЫ

На элеваторы Заволжья, Урала и Сибири все еще идут автоколонны с новым зерном урожая 1970 года. В красный день Октябрьской годовщины хлеборобы Российской Федерации рапортовали: продано 43,5 миллиона тонн зерна (2 миллиарда 655 миллионов пудов). Пшеница, рис, фуражные и бобовые культуры — гордость и богатство русских полей! Значит, славно поработали нынче пахари и сеятели Поволжья, Оренбуржья, Кубани, Северного Кавказа, серединной нашей России. А ведь год был не из легких!

Хорошо убрались в нынешнем юбилейном году и мастера украинской нивы. Колхозы и совхозы Украинской ССР продали уже 11 миллионов 522 тысячи тонн зерна (703 миллиона пудов), в том числе значительно больше половины — пшеницы!

И в России и на Украине продажа хлеба государству продолжается.

Советским людям радостно знать, что в нынешнем году колхозы и совхозы получили самый высокий урожай зерна за всю историю земледелия нашей страны.

Н. БЫКОВ

На снимке: Каневский хлебоприемный пункт Краснодарского края. В сутки он принимал до 7 500 тонн зерна!

Фото Е. Шулепова (ТАСС).

Таллин. Старый город. На переднем плане — башня «Длинный Герман». Фото Г. Копосова.

И. Г. КЭБИН,
первый секретарь
ЦК КП Эстонии

ОЗАРЕ

Вопрос. Коммунистическая партия Эстонии празднует свой полувековой юбилей. В такие даты мы неизменно обращаемся к истокам революционного движения советских народов. Расскажите об основных этапах истории КП Эстонии.

Ответ. Пятьдесят лет — хороший возраст. Это — время зрелости, опыта, свершений и планов. Перед юбилеем принято подводить итоги. Поэтому, прежде чем перейти к истории, я хочу обратить внимание читателей на самый важный, самый главный итог истекших пятидесяти лет: эстонские коммунисты на всех этапах борьбы за социализм всегда были верны идеям марксизма-ленинизма.

Рассказ о трех главных этапах в истории КПЭ следует начать с того, что если теперь мы празднуем 50-летний юбилей компартии, то эстонское коммунистическое движение, разумеется, старше. Первым этапом мы называем создание и развитие эстонской большевистской организации — рука об руку, плечом к плечу с русскими рабочими, с РСДРП, РКП(б). Второй этап — образование Коммунистической партии Эстонии и ее борьба в буржуазной Эстонии. Третий этап — воссоединение Коммунистической партии Эстонии с ВКП(б) и деятельность в составе ВКП(б) — КПСС. Само собой разумеется, что, несмотря на изменившиеся условия, между этими этапами существовала и существует живая преемственность и связь.

Теперь представьте себе середину прошлого века, Нарву — небольшой городок на границе эстонской и русской земли. Река на подступах к городу обрушивается со скалы бурным, в пене и радугах, водопадом. Разумеется, не красота водопада влекла к себе российских и иностранных капиталистов, а бесплатная энергия падающей воды. Именно поэтому здесь в середине прошлого века выросли, подобные крепостям, корпуса текстильной мануфактуры и рабочие казармы. Со всех концов Эстонии съехались сюда «освобожденные» крестьяне — очень дешевая, тоже почти бесплатная рабочая сила. 1872 год входит в историю рабочего движения крупной стачкой нарвских кренгольмских ткачей. Русские и эстонские рабочие вместе борются против эксплуататоров. Всего в 150 верстах от нового текстильного центра — Петербург. Оттуда из рабочих воскресных школ, из первых социал-демократических кружков идет в Нарву первый опыт борьбы за освобождение рабочего класса. Давнее соседство скрепляется новой связью — социальной общностью интересов, общими целями классовой борьбы. На основе интернациональной пролетарской солидарности в Эстонии возникают первые социал-демократические организации. Они работают и борются в соответствии с программой и уставом РСДРП. Они действуют как ее местные организации.

М. И. Калинин в начале века закладывает основу таллинской организации РСДРП. Во главе эстонского рабочего движения встают революционеры-ленинцы, получившие опыт партийной работы в условиях подполья — Яан Анвельт, Виктор Кингисепп, Ханс Пёгельман, Иоханнес Кясперт, Отто Рястас, Рудольф Вакман. Набирает силу эстонская рабочая печать, она несет в народ идеи Ленина. В доктябрьский период около ста произведений Ленина было распространено среди эстонских рабочих. Эстонские большевики были читающими, политически образованными людьми. С позиций научного коммунизма и пролетарского интернационализма они с самого начала боролись против антиленинских течений, против ревизионизма и буржуазного национализма. Когда пробил час социалистической революции, эстонский народ пошел за партией Ленина. На второй день после победы вооруженного восстания в Петрограде Советская власть была установлена и в Эстонии.

Но в 1919 году в Эстонии при помощи иностранных интервентов временно победила контрреволюция. О положении эстонских коммунистов свидетельствует письмо, направленное ими в ЦК РКП(б): «Гражданская война в Эстляндии кончилась. При содействии белофинских отрядов и с помощью Великобритании советские войска вытеснены из Эстляндии, коммунисты и сочувствующие им частью арестованы, частью расстреляны и повешены; оставшиеся ушли в глубокое подполье, подобно худшим временам царизма...»

Но и тогда в Эстонии, в этих тяжелейших условиях, в глубине народных масс повсюду снова вспыхнули искры революции. Вот, казалось бы, внешне ничем не приметный день: 5 ноября 1920 года. Таллин живет обычной жизнью. С утра на бирже труда выстраивается очередь безработных, люди долго стоят у дверей биржи, пытаются укрыться от холодного морского ветра. По булыжной мостовой цокают подковы крестьянских лошадей. Пасмурно. И никто не обратил внимания на то, как небольшая группа людей прошла по рабочим кварталам и заперлась в одной из конспиративных квартир. Там шел разговор о будущем трудового народа Эстонии. В таких условиях состоялся нелегальный I съезд эстляндских партийных организаций. Съезд конституировал КПЭ и наметил пути и цели подпольной борьбы. На съезде был избран Центральный Комитет КПЭ. В решениях была выражена вера в то, что «победоносная революция тру-

ННЫЕ ЛЕНИНИЗМОМ

дящихся воссоединит КПЭ с Российской Коммунистической партией...» Делегаты приветствовали Ленина, как вождя международной пролетарской революции, и отправили приветствие трудовому народу Советской России.

Трудно было работать эстонским большевикам в подполье. Буржуазное правительство объявляло компартию вне закона, принадлежность к ней каралась смертной казнью или каторгой. В непримиримой борьбе с буржуазией погибли В. Кингисепп, Я. Креукс, Я. Томп, Х. Хейдеман, А. Рийсман, А. Лейнер, И. Юрна и много других... А партия росла и крепла. В трудном 1920 году она насчитывала 700 членов, к началу еще более трудного 1924 года их было уже 2 000. На место погибших и арестованных вставали новые борцы.

Вопрос. Вы назвали имена погибших от рук буржуазии коммунистов. Расскажите о некоторых из них.

Ответ. Их было много. Очень много. Само появление буржуазной республики сопровождалось жестокими кровопролитиями. Сотни рабочих погибли в конце января 1919 года, десятки руководителей были расстреляны. I съезд профсоюзов Эстонии, потребовавший заключения мира с Советской Россией, был разогнан, большинство участников съезда арестованы, а 25 активных делегатов зверски убиты в Изборске. В крови было потоплено восстание на Сааремаа, сотни рабочих убиты в Нарве, Выру, Тапа, Вильянди, Раквере. В историю эстонского рабочего движения вошли судебные процессы, названные по числу подсудимых: процесс «35», «50», «115», «149», «34». В 1929 году швейцарская социал-демократическая газета «Арбейтерцейтунг» по поводу этих процессов писала, что в Эстонии «...общий срок приговоров приблизительно 3 500 лет»... Новоявленная эстонская буржуазия с яростью обрушивалась на борцов за права рабочего класса.

А коммунисты... Крепчайшая идейная закалка, любовь к народу, стремление к знаниям, бесстрашие — такими были эти люди, самоотверженные борцы за счастье народа. Обо всех, конечно, не расскажешь. Но в декабре этого года комсомол Эстонии тоже отмечает свое 50-летие, поэтому вспомним молодежного организатора, члена ЦК КПЭ начала двадцатых годов Яана Креукса. По его работе и жизни можно представить себе жизнь подпольщиков, названных и не названных здесь. Очевидцы рассказывают: худощавый, с шапкой вьющихся волос, он выглядел хрупким молодым интеллигентом. Но физически этот молодой человек был крепок и вынослив необычайно и так же необычайно отважен. Креуксу было нелегко — близорукий, он носил приметное пенсне. Шпики часто ходили за ним по пятам. Неизменно ускользая от них, он держал связь с 35 работавшими в то время в Таллине подпольными комсомольскими организациями, руководил выпуском и распространением нелегальной литературы, встречался с молодыми рабочими, привлекал их к деятельности комсомола и создавал новые комсомольские организации. Борьба была неравной: весной 1923 года полицейские ищейки выследили Креукса и убили предательским выстрелом в спину — недалеко от той улицы в центре города, что носит теперь его имя. Эстонская буржуазия старалась уничтожить эстонских коммунистов. Поодиночке и целыми семьями. Образы этих людей с их преданностью народу, коммунизму, партии бессмертны в памяти эстонского трудового народа. Фундамент партии, заложенный ими в те трудные годы, крепок и непоколебим. Вопреки трудностям КПЭ продолжала руководить борьбой эстонского рабочего класса, завершив ее победой в 1940 году, когда наступил третий этап деятельности нашей компартии.

В 1940 году в Эстонии была восстановлена Советская власть. Свершилось то, о чем заявил I съезд Коммунистической партии Эстонии 5 ноября 1920 года: Эстонская компартия воссоединилась с РКП(б).

После ожесточенной двадцатилетней борьбы с буржуазией из подполья вышло всего 150 коммунистов. В легальных условиях начался быстрый рост партии. Росла она и в годы Великой Отечественной войны. В рядах Эстонского гвардейского корпуса Красной Армии сражалось шесть тысяч коммунистов.

К началу 1947 года в КПЭ было всего десять тысяч человек. Ее рост шел как результат приближения передовых строителей социализма к партии. Сейчас в рядах КПЭ насчитывается более 72 тысяч человек.

История послевоенных лет Эстонии известна советским людям. Незабываема бескорыстная помощь братских народов в восстановлении разрушенного хозяйства. Не остыл еще пафос индустриализации аграрной в прошлом страны, не забыты трудности коллективизации в условиях кулацкого террора. Продолжается хозяйственное строительство, продолжается революция в области культуры.

Вопрос. Что вы считаете наиболее значительным и важным за пятьдесят лет деятельности КПЭ?

Ответ. Если говорить обобщенно, то, конечно, это победа социализма. И как следствие — формирование нового человека, советского человека-интернационалиста, гуманиста, патриота и активного строителя нового общества. Как показало время, общественное развитие советского человека не только не мешало, но, наоборот, способствовало многогранному развитию индивидуальности. Наши люди стремятся к знаниям, увлечены каждый своим делом, любят искусство и отдают должное духовным ценностям.

Вопрос. В результате деятельности КПЭ и активной работы всего народа Советской Эстонии хозяйство республики достигло заметных успехов. В чем прежде всего заключаются эти успехи?

Ответ. Если говорить в целом о развитии хозяйства нашей республики, то следует сказать, что из аграрно-сырьевого придатка империалистических стран, какой была буржуазная Эстония, она превратилась в высокоразвитую социалистическую индустриальную республику с крупным механизированным сельским хозяйством. Промышленность определяет лицо республики. Ныне в Эстонии выпускается в 27 раз больше продукции, чем в 1940 году. В частности, в 1969 году выработано 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии против 190 миллионов квч в 1940 году. Сланца добыто по сравнению с тем же годом в 9,3 раза больше. Выросло машиностроение и приборостроение. Особо стоит отметить, что наша промышленность уже в августе этого года выполнила задание пятилетки по производству валовой продукции.

Изменилось и сельское хозяйство. Несмотря на значительное сокращение работающих в этой отрасли, эстонское сельское хозяйство производит больше зерна, картофеля, овощей, мяса, молока и яиц, чем до войны. Этот рост — результат высокой механизации труда на социалистических полях и животноводческих фермах. Вот несколько цифр для сравнения: если в 1940 году средний урожай зерна был 11,5 центнера с гектара, то в 1969 году он достиг 25 центнеров. Среднегодовой удой увеличился с 1 976 килограммов молока от одной коровы в 1940 году до 3 258 килограммов в минувшем году.

За последние десять лет доходы колхозников только от общественного производства выросли в 2,5 раза. Деревня Эстонии обновляется, приобретает новый облик. Идет интенсивное строительство зданий, производственных, культурного и бытового назначения, новых жилых домов.

Вопрос. Вы говорили о новом облике советского человека, об идейном воспитании эстонского трудового народа. Что предпринимала и предпринимает КПЭ для дальнейшего духовного и идейного развития советского человека?

Ответ. Воспитание в коммунистическом духе — это прежде всего обогащение человеческого сознания идеями марксизма-ленинизма. Формирование коммунистического мировоззрения и коммунистической нравственности требует ясности и четкости идейных позиций. Вопросы интернационального воспитания, укрепления дружбы народов находятся в центре идеологической работы КПЭ. Здесь большое значение имеет работа издательств и прессы. В республике завершен выпуск четвертого издания сочинений В. И. Ленина на эстонском языке. Единовременный тираж газет и журналов в Эстонии составляет один миллион 750 тысяч. На одну семью в среднем приходится более четырех газет и журналов. В народных университетах, школах коммунистического труда, лекториях, на ленинских уроках занимается почти 109 тысяч человек.

Сейчас как сами собой разумеющиеся воспринимаются такие социальные наши завоевания, как бесплатное обучение в школах, всем доступное специальное и высшее образование, дешевые книги, большое количество библиотек, научно-исследовательские институты. А ведь все это результат огромной деятельности Советского государства и Коммунистической партии, результат культурной революции.

Культурная революция — процесс длительный и глубокий. Одно из ее главных завоеваний состоит в том, что если в буржуазной Эстонии лишь избранным, немногим были доступны богатства культуры, науки и искусства, то теперь эти в несколько раз умноженные богатства стали достоянием всего народа.

Попробуем взглянуть на то, что происходит в Эстонии, со стороны. В начале нашей беседы мы уже приводили слова швейцарской газеты 1929 года о так называемой эстонской буржуазной «демократии». Обратимся еще раз к свидетельству газеты из этой далекой от нас страны, но уже об эстонской советской действительности. Вот что писала в 1966 году корреспондент швейцарской газеты «Форвертс» Анна Дрейер: «По количеству населения Эстония самая маленькая республика в Советском Союзе, однако по важнейшим показателям она превосходит многие другие страны. По количеству студентов в отношении к населению Эстония поставила мировой рекорд. Как видно, вопросы народного образования в Эстонии решаются более оперативно, чем в Швейцарии...»

В новой, девятой пятилетке вместе с новыми материальными ценностями люди Советской Эстонии получат новые возможности для своего культурного, духовного роста. В этом залог нашего дальнейшего развития. Озаренная светом ленинских идей, под руководством Коммунистической партии Советского Союза материальная и духовная жизнь нашего народа становится все богаче и содержательней.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ!

В день 53-й годовщины Великого Октября опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1970 года в области науки и техники, в области литературы и искусства. Новыми лауреатами стала большая группа ученых и инженерно-технических работников, а также работники литературы и искусства.

Сергей Венедиктович Сартаков, писатель. За трилогию «Барбинские повести» («Горный ветер», «Не отдавай королеву», «Медленный гавот»).

Назиб Гаязович Жиганов, народный артист СССР. За вторую симфонию «Сабантуй».

Бибигуль Ахметовна Тулегенова, народная артистка СССР. За концертные программы 1967—1968 годов.

Сосланбек Дафаевич Тавасиев, народный художник Северо-Осетинской и Башкирской АССР. За памятник Салавату Юлаеву в городе Уфе.

Павел Павлович Вирский, народный артист СССР. За концертные программы 1966—1969 годов в Государственном заслуженном ансамбле танца Украинской ССР.

Борис Николаевич Ливанов, народный артист СССР. За актерские и режиссерские работы последних лет в театре и кино.

В ОГНЕ СОЦИАЛЬНЫХ БУРЬ

Виталий **КОРИОНОВ**

«Рабочее движение в капиталистических странах ведет крупные классовые битвы против монополий. Пролетариат ряда стран завоевал новые позиции для дальнейшего наступления на эксплуататорский строй» — так записал в своей резолюции XXIII съезд КПСС.

Четыре с лишним года, прошедшие с тех пор, самым наглядным образом подтвердили, насколько точен анализ, даваемый марксистами-ленинцами, насколько верно оценивают они ход событий. За эти годы классовые битвы в странах капитала стали еще более острыми. Они приняли столь гигантский размах, обрели такую интенсивность, что есть все основания сказать: в капиталистических странах складывается новая политическая обстановка. Социально-политические кризисы капитализма явно вступают в новую фазу, чреватую для заправил монополий весьма серьезными последствиями.

Рабочий класс выступает как решающая производительная сила современного общества. В 1968—1969 годах в странах развитого капитализма работало по найму примерно 77 процентов самодеятельного населения этих стран. В то же время пролетариат продолжает оставаться наиболее эксплуатируемым классом. Еще Ленин отмечал, что буржуазия использует технические открытия для того, чтобы заставить рабочих работать «на износ». Ныне эта система доведена монополиями до высшей точки. Интенсификация труда на капиталистических предприятиях становится поистине невыносимой. Безжалостный бич принудительной безработицы, как и раньше, свистит над головой миллионов рабочих. В США насчитывается до пяти миллионов безработных, в Англии в настоящее время самый высокий за последние десять лет уровень безработицы. В Италии безработных свыше полумиллиона. Многие десятки миллионов людей тщетно ищут работу в городах стран Латинской Америки, Японии и в других государствах капиталистического мира.

В XX веке, который нередко называют «веком изобилия», во многих районах планеты царит самый настоящий голод. Недавно в Каракасе (Венесуэла) проводилось первое консультативное совещание в рамках кампании по борьбе с голодом. Вот что мы читаем в заявлении этого совещания: «В отсталых районах мира каждый год от голода умирает 3,5 миллиона человек. Иными словами, каждые 8 секунд от недоедания погибает один житель Земли».

Недавно Организацией Объединенных Наций, Всемирной организацией здравоохранения и рядом других международных организаций был подготовлен доклад «Тенденции в социальном положении детей». «Трагический факт,— констатировалось в нем,— таков, что в конце 1960-х годов в мире имеется больше больных, больше голодающих и больше неграмотных детей, чем было десять лет назад... Трем четвертям детей земного шара угрожает голод».

Не удивительно, что все новые и новые сотни миллионов трудящихся поднимаются на борьбу против империализма, за свои жизненные права.

Авангардом этой борьбы был и остается рабочий класс. Исполнилось предвидение Фридриха Энгельса, уверенно указывающего: «...рабочие массы никогда не дадут убедить себя в том, что общественные дела их страны не являются в то же время их собственными делами; они по природе своей **политически активны...**».

Мощные волны забастовочных выступлений пролетариев захлестывают весь капиталистический мир. В развитых капиталистических странах за период 1960—1969 годов приняли участие в забастовочной борьбе 360 миллионов человек, что в два с лишним раза превышает число бастовавших за предыдущие 14 лет. Только общенациональных забастовок в капиталистическом мире за последнее десятилетие было более 250. В одной Италии в 1969 году труженики бастовали в течение 600 миллионов часов. Во Франции и Италии в общенациональных забастовках все чаще участвуют практически все организованные трудящиеся. В Японии в традиционном массовом «весеннем наступлении» этого года приняло участие около 15 миллионов человек. Районом острейших забастовочных боев рабочего класса стала Латинская Америка. Для Соединенных Штатов Америки 60-е годы явились периодом самых острых социальных волнений за последние 100 лет. Волна рабочего гнева, находящая свое проявление в забастовочных взрывах, поднимается все выше и в таких странах, как Швеция, Бельгия и другие, которых буржуазная и реформистская пропаганда еще недавно выдавала за образец «социального мира и гармонии».

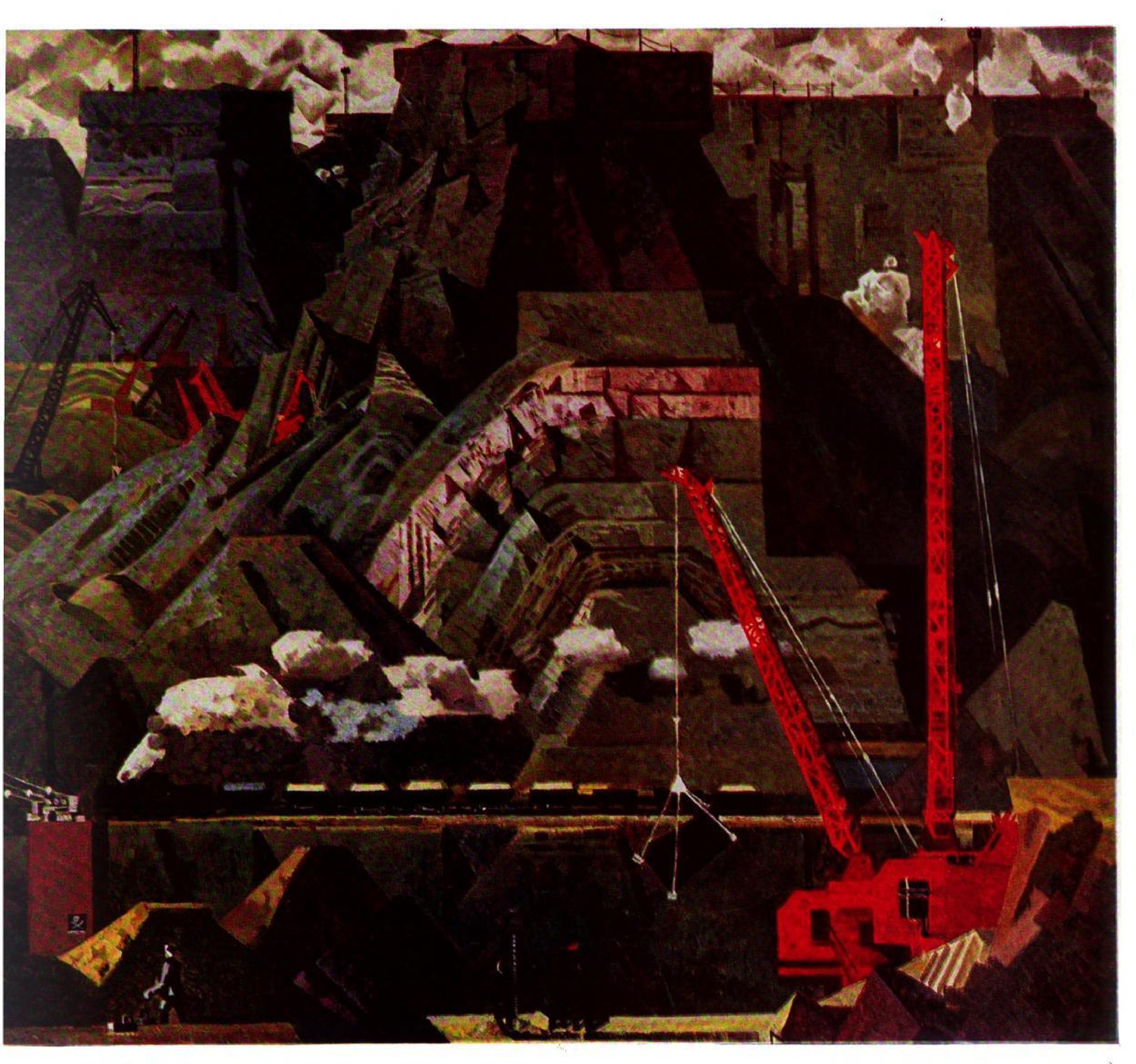
Очень важно, что борьба эта идет в наши дни отнюдь не только под экономическими лозунгами. Она все больше становится политической борьбой рабочего класса, борьбой за социальные права, демократические свободы, против всевластия монополий. Характерная ее черта — все большее усиление международной классовой солидарности трудящихся. Особенно ярким примером этого служит всемирная боевая кампания солидарности с вьетнамским народом, принявшая невиданный международный размах.

В огне обостряющейся борьбы с империализмом выковывается широкий фронт рабочего класса, крестьянства, средних слоев, молодежи и студенчества, всех сил, борющихся за мир, демократию и социализм. Душой этой народной, антимонополистической коалиции повсеместно выступают коммунисты. Дальнейшее укрепление и умножение этой коалиции решит исход борьбы с силами империалистической реакции в пользу рабочего класса и его союзников.

А. Наседкин (Харьков). В ДНИ ОКТЯБРЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А. Пантелеев (Уфа). КАРЬЕР.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

БРОНЕПОЕЗД „ТОВАРИЩ ЛЕНИН“

Иван ШАМЯКИН

Повесть

Рисунки С. БРОДСКОГО.

Окончание. См. «Огонек» № 45.

II

Пушечный выстрел встряхнул Арефьева, будто снаряд разорвался над головой. Он выскочил из теплушки, где беседовал с комиссарами рот. Первая мысль — про гомельчан: все-таки начали! Эта их сверхреволюционность может стать изменой революции. Мелкобуржуазная крестьянская стихия! Но тут же вспомнил, что ни один местный отряд не имеет артиллерии. Батарея гаубиц есть только у них, у москвичей. Не могли же они без приказа открыть огонь!

Между тем пушечные выстрелы учащались и, казалось, приближались. Арефьев кинулся в здание станции, где стояли аппараты телефонной связи. Начальник штаба Михайлов, бывший поручик, кричал в трубку:

— Что там у вас произошло?

— Никто ничего пока не знает. Стреляют за лесом, справа от нас, где позиции Лукина.

Но в сводном батальоне нет пушек. Кто же может стрелять?

Через несколько минут позвонили из Плоского. Говорил Орел:

— На ветку бумажной фабрики вышел немецкий поезд и обстреливает дорогу на Чоса — Рудню. Надо полагать, готовят наступление. Обходной маневр. Все выезжаем на передовую.

Комиссары рот стояли возле ручной дрезины, двое, самые сильные, держались за рычаги.

Арефьев помог разогнать дрезину. Вскочили на платформу. Хлопцы качали что было сил.

Солнце светило в глаза. Багрянцем горели рельсы. Арефьев вспомнил, что утром он любовался солнцем, которое стояло на такой же высоте и так же — как раз над железнодорожной просекой, но с другой стороны — с востока. Было оно по-весеннему ласковое. А это вечернее, кроваво-красное, тревожное.

За каких-нибудь четверть часа доехали до завала — огромного штабеля бревен, перегородившего железнодорожное полотно.

По опушке проходила линия фронта. Километрах в четырех виднелась станция Добруш. Бой шел не на станции — в местечке, где над голыми вербами возвышались бездымные закоптелые трубы фабрик.

Пушки замолкли, но пулеметная и ружейная стрельба учащалась.

Командир роты, занимавшей оборону возле железной дороги, знал уже все подробности — принесли вестовые, так как тут, в железнодорожной будке, был командный пункт всего отряда.

Поезд с бронированными площадками пришел из Ларищева на фабричную ветку и обстрелял из пушек наши позиции. Гомельчане и солдаты сводного батальона, возмущенные такой провокацией, сразу же пошли в контрнаступление. Поезд отошел. Бой идет с теми немцами, которые четыре дня назад вступили в Добруш.

Командиры и комиссары не просили — требовали, чтобы отряд выступил немедленно. Люди рвались поддержать соседей — выполнить свой солдатский долг. Разве можно сидеть сложа руки, когда рядом гибнут товарищи?

Арефьев молчал, голова его разболелась от дум. Неужели немцы использовали захваченный поезд, на бронированных щитах которого начертано имя Ленина? Какая подлая провокация! Но зачем она им, эта провокация? Неужели мир снова сорван? Снова война? Армия распущена. Новая еще не создана. Одним энтузиазмом таких, как Лагун, Бахтин, немцев не удержишь. А до Москвы всего шестьсот верст. От Петрограда немцы еще ближе. Он, Арефьев, читал приказ Крыленко: бои шли под Псковом и Нарвой.

Комиссар позвонил в Закопытье, спросил у Михайлова, нет ли каких указаний из штаба. Ничего не было. Продиктовал телеграмму о немецкой провокации, приказал послать ее в Петроград, в Смоленск, в Москву.

Солнце село. Смеркалось. Снова подмораживало к ночи.

Стрельба в Добруше стихла.

Командир сводного батальона прислал донесение: местечко взяли, но немцы засели на станции. Просил выбить их оттуда, так как станция — вот она, перед ними, москвичами! Почему же они молчат?

Но молчит телеграф в Закопытье. Потому молчит и он, Арефьев.

Ответ пришел поздно ночью — из Смоленска, из штаба Западного фронта. Телеграфная лента принесла:

«Исполняйте приказ главнокомандующего о прекращении военных действий. На провокации не отвечайте. По возможности вступите с противником в переговоры. К вам выехал член военной коллегии».

Ответ радовал одним: значит, мир не сорван, договор остается в силе. Но что же тогда это такое? Что ему, Арефьеву, делать, если утром немцы полезут снова? Как вступать в переговоры с такими провокаторами?

Не уснул комиссар в ту ночь ни на минуту. И не напрасно думал, не зря боялся. Как только солнце снова поднялось над рельсами, наблюдатели, сидевшие на опушке на соснах, сообщили, что к станции приближается поезд. Через полчаса загремели пушки. Получив подкрепление, немцы пошли в наступление на Добруш.

Что делать? Чей приказ, чью волю он, комиссар, большевик, должен выполнять? Арефьев чувствовал, что терпение его командиров, бойцов накалилось и может случиться, что даже эти дисциплинированные московские пролетарии не дождутся приказа. Комиссар роты латыш Паульсон смотрит на него почти с ненавистью.

На взмыленном коне прилетел сам Орел. Руководитель крестьянского восстания в шестом году, закаленный, как и он, Арефьев, каторгой, рассудительный, казалось, всегда спокойный командир гомельчан дышал так же тяжело, как его загнанный конь, и был такой же мокрый и забрызганный грязью, заикался, глотал слова, хотя старался говорить вежливо, без возмущения:

— Лагун еще ночью повел отряд на Ларищево. Остановить его было нельзя после того, что учинили немцы. Гришалев тоже поведет своих. Разъезд они атакуют с двух сторон.

— Если наш бронепоезд еще там, захватят его. Но ведь дорогу им перегородил этот проклятый немецкий поезд. Не выбьем их отсюда — отряды окажутся в мышеловке. Боевые парни! Костяк. А-а, Егорович? Не мы же первые начали...

Арефьев с минуту стоял как окаменевший. Он попытался представить, хотя делал это уже не раз ночью, как поступил бы в таком случае Ленин. И вдруг улыбнулся Орлу. Повернулся к Михайлову, приехавшему из Закопытья еще на рассвете:

— Начштаба! Запиши приказ... для истории и для... трибунала. В ответ на немецкую провокацию приказываем... Первое. Батарее открыть огонь по бронепоезду противника. Второе. Всем ротам перейти в наступление на станцию Добруш, занять ее. Третье. Занять разъезд Ларищево. Отбить бронепоезд... если он там. Это не записывай. Подписи: комиссар, начштаба.

Взял у Михайлова железнодорожную квитанционную книжку, на которой тот писал, по царскому гербу и водяным знакам расписался под приказом. Потом повернулся к командиру роты:

— Анечкин, разберите завал.

— А завал зачем разбирать?— удивился тот.

— Разобрать завал!

III

Машинист Владислав Плавинский сидел на чердаке домика обходчика и в окно следил за тем, что делается на разъезде, где стояли ограбленные немцами бронированные платформы, застывшие, мертвые, и его паровоз, живой, теплый... Еще теплый. Но если за день ничего не случится и вечером его не пустят на паровоз, то к утру это уже будет не машина, а еще один стальной покойник: замерзнет вода, лопнут трубы. Мороз ночью достигает градусов пятнадцати.

На разъезде было тихо. Несли охрану те же, знакомые уже, немецкие солдаты, но их стало больше. И офицер другой. Никто из них никуда не отлучается, как в те дни. Все так же настороженно, как он, Плавинский, прислушивались к пушечным выстрелам в Добруше. Оттуда, с чердака, если перейти на другую сторону и посмотреть в щель, видно, где маневрирует немецкий поезд и где рвутся снаряды. Чьи снаряды? Чем кончится бой? Кто победит?

Позавчера немцы повторяли: «Мир, мир!» Где же он, тот чертов мир? Вчера, как только отремонтировали мост, из Гомеля пришел немецкий бронированный поезд, и сразу же в Добруше загремели пушки.

Плавинский не верил, что наступит мир. Три дня он жил надеждой. Знал, не могут хлопцы бросить такой бронепоезд.

С больным сердцем, страдающий астмой, он даже не подумал, что сможет побежать с молодыми по снегу, когда немецкий снаряд

разрушил мост и поезд не мог прорваться на Добруш.

Он, машинист, остался на паровозе, как капитан тонущего корабля. Перехитрил немцев. Произвел на них впечатление. Старый, толстый человек, спокойно попыхивая трубкой с необыкновенно ароматным табаком (Плавинский подмешивал в табак шалфей и астматол), приветствовал победителей на их родном языке. Поверили немцы, что большевики насильно мобилизовали его, так как не нашли другого, кто мог бы повести их поезд.

Хозяйственность его тоже понравилась немцам. Машинист попросил разрешения отремонтировать свой поврежденный паровоз. Повреждения были небольшие. Наоборот, ремонтируя, Плавинский сам некоторые «хитрые» винтики повыкручивал — на случай, если немцам вдруг придет в голову проверить исправность паровоза.

Главное — не дать остыть котлу, чтоб можно было в любое время, пошуровав немного в топке, довести давление до нормального уровня и потянуть пять платформ, закованных в броню, набрать скорость.

Три ночи провел он на паровозе, грелся возле топки. Днем с сыном будочника Володькой пилил промасленные шпалы, таскал чурбаки в паровозную будку. Жалел уголь, его мало осталось. Была в этом и своя хитрость: показать немецким солдатам, что печи на станции и в теплушках лучше топить дровами, а не углем, которого не хватает.

Два дня Владислав Францевич ждал хлопцев или хотя бы весточки от Басина, от Лагуна. Вел себя как ребенок, как Володька, которого не оторвать от машины. Но кто мог прислать такую весточку? Кто знает, что он тут, а не убит немцами? Или не сидит в Гомеле, в своем хорошем пятикомнатном доме на Столярной, под крылышком у пани Ядвиги, которая давно призывала на его голову кару божью за то, что связался с безбожниками-большевиками?

На третий день он послал к своим Володьку с письмом Басину. От немцев узнал, что фронт около Добруша.

Действительно, он, лысый дед, ведет себя, как мальчишка. Какое право имел он без разрешения родителей посылать за линию фронта Володьку? Может случиться, что на смерть послал ребенка. Зачем забрался сюда, на чердак, где под железной крышей собачий холод, сквозняк? А он и так простужен, грудь раздирает кашель. Одним словом, пан Владислав боится. Во время приступа его лихорадит и тело становится, как мешок с мякиной,— мягкое, рыхлое, только из груди вырывается воздух, как лишний пар через контрольный клапан. Ни на что он после приступа не годен — на ногах еле стоит, руку поднять не может. А если потребуется шуровать в топке? Да где там! Оттого, наверно, и почувствовал себя так плохо и на чердак залез, как старый кот, что исчезла всякая надежда. Утром исчезла, когда немецкий состав снова прошел на Добруш, везя на платформах добрых две роты солдат, и когда там, на востоке, откуда светило солнце, снова загрохотали пушки.

Нет, надежда исчезла даже не тогда. Позже. Когда знакомые солдаты, с которыми он, добряк, почти подружился, пришли и прогнали его с паровоза. Один даже ударил прикладом по плечу. Ругались. Почему? Что им показалось подозрительным? Но не арестовали. Толкнули в сторону домика. «Иди, иди, старик».

Зачем он забрался сюда, на чердак? Мог бы сидеть внизу, в помещении, греть на печи простуженную грудь. От страху? Так нет, не очень испугался. Если бы боялся, то не принес бы из хлевушка будочника, где спрятал ее в первую ночь, винтовку. Опять-таки зачем ему тут винтовка? По кому он будет стрелять? Ей-богу же, как мальчишка. Хуже Володьки. Еще две винтовки, брошенные на платформах, он спрятал в тендере, под углем. Может, из-за них он и залез на чердак? Найдут немцы винтовки — возьмут за штаны: зачем прятал? Нет, спрятался он сюда, пожалуй, не от немцев — от хозяйки. Хорошая будочница, которая кормила его картошкой и даже салом, со вчерашнего дня, когда неизвестно куда исчез ее сын, смотрит неласково — догадывается, что не без его участия ушел куда-то Володька. От паровоза мальчишку оторвать было нельзя. «Почему же ты молчишь, старик?— так, наверно, думает мать.— Куда послал парнишку? Идет же война. Погибнет ребенок».

Нет, смотреть в глаза хозяйке ему не стыдно. Скажет он ей, куда ушел Володька.

На чердак он полез, чтоб хорошо видеть разъезд, свой паровоз, так как из окна домика не все видно. И, возможно, чтоб издалека увидеть своих, если они будут наступать.

Владислав Францевич тяжело вздохнул, набил в трубку табаку с шалфеем, высек кресалом огонь. Потянул пахучий дым. Легче стало дышать. Черт бы ее взял, астму эту, вот еще прицепилась, докука!

Подумал: что его, старого, больного человека потянуло к большевикам? Удивительно, от мысли такой стало веселее. Сам пошел, сам напросился, никто не уговаривал. Эх, как кричала пани Ядвига! Причитала на весь дом! Как, опустив глаза, проходили мимо некоторые его коллеги — такие же старые машинисты. А ему хотелось показать им вслед фигу. Такую фигу он сунул четыре месяца назад гомельскому «викжелю» Липкину. После того, как большевики взяли власть в Петрограде, «викжельцы» кричали и угрожали всеобщей забастовкой. Он, Плавинский, не разобравшись еще тогда, что к чему, поддерживал такую забастовку: пускай все, кто рвется к власти, почувствуют силу железнодорожников. Что они сделают без машинистов, деповцев, диспетчеров, путейцев?! Но когда тот же Липкин на другой день позвал его, Плавинского, и приказал вести состав в Витебск... А перед этим в депо выступил председатель Совета большевик Леплевский и сказал железнодорожникам, что это за состав такой — контрреволюционный полк в помощь Керенскому, который ведет войска на рабочий Петроград. Тогда он, пан Плавинский, на которого надеялся «викжель», сунул Липкину промасленную фигу — под самый нос.

Владислав Францевич вспомнил, какие глаза сделались у «викжельца», и тихо засмеялся, даже в груди как-то потеплело, и кашель отступил.

А в Добруше хорошая кутерьма началась. Гремят не отдельные выстрелы, а пушки ревут, как волы на бойне. Что это? Пулеметы уже слышны? Машинист отпрянул от окна, заглянул в щелку. Выпуская в ясное небо клубы дыма, на всех парах к Ларищеву шел поезд. Явно немцы отступают, бегут. Потому и пулеметная стрельба слышна.

У Плавинского радостно екнуло сердце. Застучало, как у юноши. Сразу, в один момент, отступило удушье. Сделалось легко. Тело налилось силой и бодростью.

«Что, получили по зубам, герры? Не лезьте на чужую землю, сволочи. Думали, вас тут хлебом-солью встретят?»

Он запыхтел трубкой во всю мочь, не сводя глаз с поезда, стремительно приближавшегося.

Через несколько минут паровоз, обшитый броневыми плитами,— он толкал платформы задней тягой — остановился на переезде перед самым домиком. Казалось, высунь из-под крыши руку — тендер достанешь. Солдат на платформах было немного, не столько, сколько утром проехало на Добруш.

Увидел он еще, что между немцами русские. И командует всеми русский подполковник. Он бежал вдоль платформы с револьвером в руке, кричал, мерзко ругался, кому-то угрожал. Страшная злость обуяла старого машиниста.

«Сукин ты сын!— ругал он подполковника.— Гад ты ползучий! Дворянин, холера на тебя. Падаль ты вонючая, а не офицер! Три года гнал солдат за веру, царя и отечество на злейшего супостата. Про патриотизм кричал. Куда же он девался, твой патриотизм? Кому ты продался? Взять бы тебя, собаку, на мушку».

Почувствовал: вот на кого рука не дрогнула бы, хоть за свои шесть десятков лет он курицу не убил, не только человека. Жаль, что нельзя стрелять — семья тут, дети.

Внизу, в хате, послышались голоса — крик хозяйки. Неужели немцы бесчинствуют? Нет, не так кричат дети — будто радостно визжат. Володька! Его голос. У старика слезы посыпались из глаз от радости: жив Володька! А что мать его лупит — это ничего. Мать больно не бьет.

Владислав Францевич высунулся в лаз в ожидании, что, спасаясь от материнского ремня, Володька выскочит в сени. Так оно и случилось. Хлопнула дверь. Крикнула будочница:

— Пойди только на паровоз — шкуру спущу. Тебе и толстому черту тому, своднику лысому! Нашли забаву старый и малый!

Это уже про него, Плавинского.

Он весело усмехнулся и тихо позвал:

— Володька!

Парнишка мигом вскочил на чердак.

— Дяденька Ладислав!

— Тише ты!

Володька зашептал снизу:

— Они уже тут. Одни — в лесу, другие за гумнами лежат в Ларищеве.

— Кто?

— Отряд. Комиссар Лагун... высокий такой, рябой... он вас знает. Пулемет у них «максим»,— делился мальчик добытыми сведениями.

У Плавинского перехватило дыхание. Он прижал голову мальчика к своей груди, к засаленному полушубку: молчи, мол, Володька, все понятно без слов.

Помолчав, взволнованно спросил:

— Живем, тезка?

— Живем, дяденька.

— Попало тебе от матери?

— Подумаешь, попало! Помахала полотенцем. А мне в отряде, глядите, какую поддевку дали, на ватине. Хоть кнутом стегай — не больно.

В это время из лесу ударил пулемет. Они бросились к окну. Эх, как заметались солдаты возле поезда. Некоторые легли на насыпь. Володька не сразу понял, что это убитые. Другие лезли под колеса и оттуда, с другой стороны, взбирались на платформы, под прикрытие брони. С поезда тоже застрекотал пулемет, затрещали винтовки. На передней платформе, стоявшей у самого домика, повернула свое длинное дуло пушка, ударила так, что Плавинскому и Володьке показалось: крышу снесло над ними. Внизу зазвенело: очевидно, вылетели все стекла. Или это, может, в ушах зазвенело?

Владислав Францевич закричал Володьке в ухо:

— Беги вниз. Скажи матери, чтоб лезла с вами в погреб.

Но, видимо, немцы не видели, в кого стреляют. А они стояли на насыпи, как на пупе. По ним наши с гумен вели прицельный огонь.

Через несколько минут машинист дал гудок, паровоз толкнул платформы, и поезд двинулся в сторону Новобелицы. Видимо, командир бронепоезда понял, что занимает очень неудобную позицию, и испугался, что красногвардейцы могут отрезать путь к отступлению. За поездом, догоняя его, бежала немецкая охрана. Солдаты цеплялись, кто за что мог. И падали на насыпь от пуль.

Плавинский увидел: из леса к разъезду бежали люди. Издалека узнал Лагуна. Глянул в другую сторону: на чистом поле, около деревни, где проталины перемежались с полосами искристого снега, наметенного возле гумен, как из земли, выросли фигуры людей. Они тоже торопились к разъезду.

Владислав Францевич скинул шапку, перекрестился: слава богу, дорога на Добруш открыта! С юношеской прытью по шаткой лестнице соскочил вниз. Пригибаясь, побежал к паровозу. Сзади, из погребка, закричала женщина:

— Володя! Ну, сорвиголова! Вернись, не то шкуру спущу!

Володька перегнал машиниста и первым вскочил в паровозную будку.

Плавинский сбросил полушубок, Володь-

ка — свою поддевку. Взялись за работу: кидали в топку, где тлели куски антрацита, мелкие чурки. Потом спускали из тендера уголь. А рядом, где-то там, в конце поезда, за станционным зданием, шел бой. Но старый и малый не обращали внимания на стрельбу. Им надо было быстрее нагнать пару. Как можно быстрей. В топке уже пылало пламя, когда к ним заглянул комиссар бронепоезда Лагун.

Крикнул снизу:

— Владислав Францевич!

— Я! — выглянул машинист.

— Живы?

— Жив!

— Шуруйте! — и побежал туда, где захлебывался пулемет.

— Кочегара! Кочегара пришлите!

Но то ли Лагун не услышал, или забыл в запале, или боец, которого послал, не захотел в такой момент менять винтовку на лопату, или, может, не добежал боец — пуля настигла. Никто не появился на паровозе.

У Володьки по лицу, вымазанному угольной пылью, ручьями тек пот: не по силам еще мальчугану эта работа.

Владислав Францевич задыхался — проклятая астма не отступила, сжала в самый неподходящий момент. А тут еще новая угроза. Шагах в ста впереди, сбоку от насыпи, разорвался снаряд. Немецкие командиры, наконец, видно, смекнули, почему красные так стремительно атаковали разъезд, и пушка их явно метила по паровозу и по железнодорожной насыпи, впереди бронепоезда, чтоб разрушить рельсы, порвать шпалы.

В топке гудело пламя, но стрелка манометра, как назло, не двигалась с места: остыл котел.

Снаряд разорвался рядом с паровозом, слева. Осколки забарабанили по броневым плитам. Взрывной волной, выбив стекло в будке, Плавинского швырнуло на мальчика. Оба они, оглушенные, повалились на кучу угля. Минуту лежали неподвижно, наверно, каждый прислушивался к себе — целы ли?

— Жив, Володька?

— Жив... Ох, и бабахнуло!

Владислав Францевич попытался подняться и вдруг почувствовал, что под рубашкой по плечу, по боку потекла горячая, липкая кровь. Ранен.

Испугала не сама рана. Испугало то, что он не сможет шуровать в топке. Хотя б сберечь силы на то, чтобы повести паровоз. Так как никто другой его не поведет. Погибнут люди.

— Володя, — прохрипел старик, выплевывая уголь. — Беги к Лагуну! Кочегара! Пускай дают кочегара! Ты видишь, он, холера, ни с места, — кивнул он на манометр.

Мальчик нехотя открыл дверь и подался назад, крикнул:

— Дяденька! Паровоз!

— Что паровоз?

— Идет паровоз!

— Откуда?

— Из Добруша.

Плавинский посмотрел вперед: за версту, не дальше, к ним мчался задним ходом паровоз. Далеко над железной дорогой висела коса белого дыма. Старик хотел снова перекреститься, но не хватило сил поднять руку. Перед глазами поплыли зеленые круги. Медленно, прижавшись к стенке будки, он начал оседать на пол. Но еще услышал, как подошел другой паровоз, как лязгнули буфера, привычно крикнул сцепщик. И другой голос, командирский:

— Лагун тут? Передать Лагуну: раненых и команду на поезд! Отрядам — разобрать путь и отступать. Не ждать, пока к немцам подойдет подкрепление. Не ввязываться в большой бой!

Паровоз дернуло, и Плавинский стукнулся затылком о стенку. Это как бы просветлило его. Тот, второй машинист, дал знакомый гудок: «Трогаюсь! Тормоза». Но тормоза от вагонов у него, Плавинского. Как же он забыл, старый машинист? Сидит, как дома на диване.

Попробовал подняться. Но железный пол не отпускал, держал, как магнит.

— Володька!

Парнишка висел на ступеньках. Следил за тем, вторым паровозом, забыв даже о снарядах, которые теперь рвались почему-то с недолетом — около станционного здания.

— Помоги мне, Володька!

Помощник, наконец, повернулся, не понимая, какой помощи просит у него машинист.

— Помоги мне подняться.

— Что с вами, дяденька Ладислав? — И подхватил тяжело обмякшее тело под руки.

— Ничего, Володька. Астма. Видишь, как сжала.

Про рану не сказал.

С помощью мальчика поднялся на ноги, добрался до сиденья, сжал посиневшими руками реверс и регулятор пара. Теперь никакая сила не оторвет от них его пальцев. Нажал сигнал — прогудел переднему машинисту: «Я на месте! Тормоза в порядке! Можешь двигаться!»

Тот ответил гудком: «Понял!»

Поезд двинулся. Колеса простучали на стрелке. Прошли будку, переезд. В лощине, на большом закруглении, остановились.

Стрельба отдалялась.

Плавинский понял: вышли из-под обстрела, ждут отряды.

Стрелка манометра наконец сдвинулась, поползла вверх.

Владиславу Францевичу снова стало плохо. Теперь уже в глазах плыли не зеленые — желтые круги и в них летали горячие искры. Жена его пани Ядвига отмахивалась от них и кричала: «Старый баламут! Дом захотел сжечь?! О, матка боска!»

— О, матка боска! Дай мне силы, — прошептал машинист. — Я не часто просил тебя. Будь доброй, помоги. Может, в последний раз прошу.

— Што, дяденька? — услышал Володька его шепот.

— Там... фляга... Набери воды в канаве.

Холодную, мутную снежную воду пил долго, жадно, прямо из деревянной фляги, и две струйки текли по бороде, за воротник грязной толстовки, по атласной душегрейке.

Сзади на платформах затопали, загомонили люди. Кто-то пробежал мимо паровоза, тяжело дыша, шаркая сапогами по гравию.

Передний паровоз дал зычный гудок, который, наверно, далеко услышали и свои и враги: «Даю полный вперед!»

Владислав Францевич ответил ему так же весело: «Набрал давление! Можем идти на двойной тяге!»

Товарищ ответил еще веселее: «Чудесно!»

Добруш пролетели со скоростью ветра. Красногвардейцы Московского отряда, которые держали станцию, едва успели отсалютовать освобожденному бронепоезду. Лагуновцы с платформ отвечали им салютом уже за станцией, под лесом.

Остановились в Закопытье. Тут немного осталось людей — всех бросили на передовую. Тыловики тоже встретили бронепоезд салютом.

С паровоза соскочил Арефьев. Из бронированного вагона — Лагун. Пошли навстречу друг другу. Радостно улыбались.

— Дай, комиссар, я поцелую тебя. Дорогой ты человек! Настоящий большевик! Ейбогу, не думал, что ты такой. Правду говорят люди...

Лагун своими огромными ручищами обхватил худощавого Арефьева. Тому даже стало немного неловко, что на глазах у бой-

САМОВАРЫ-САМОПАЛЫ

Репортаж с полигона специального корреспондента «Огонька» Г. МАКАРОВА

Никогда не умирала
Слава тульских кузнецов.
Самовары-самопалы
Смастерили для бойцов.

В этом хитром самоваре
Кран особый, боевой —
За версту врага ошпарит
Кипяточек огневой.

В годы Великой Отечественной войны где-нибудь на КП минометчиков можно было услышать такую примерно фразу, произнесенную по телефону или радио: «Самовары на месте. Прошу добавить огурцов», — что значило: «Минометы на огневых позициях, просим добавить боеприпасов».

Популярная в свое время песня А. Новикова и эта фраза невольно всплыли в памяти, когда мы приехали на место. Отхрустели под сапогами захваченные врасплох первым морозцем грибы (а их здесь много: собирать-то некому!), и перед нами открылась позиция минометчиков. Хлопнул последний выстрел, мина шмыгнула в серые снежные тучи, и мы увидели сцену, которая, вероятно, никого не оставила бы равнодушным. Вокруг минометов устроились закопченные пороховым дымом ребята в шинелях и касках и, блаженно улыбаясь, грели руки о стальные трубы.

Из всех инструментов многоголосного оркестра артиллерии миномет, пожалуй, самый простой: закрытая с нижнего конца труба, подпертая ножками, опорная плита, несложный прицел. Опустил мину в трубу и жди, когда она дойдет до дна, наколется капсюлем на боек и улетит в цель. Заряжай снова.

В свое время существовал даже миномет индивидуального пользования, стволом которого служила рукоятка малой саперной лопаты. Миномет — лопата.

...Но вот преодолены несколько километров вздыбленной полигонной земли, и впереди возникла картина: у высоченных, выше окружающих сосенок, зеленых труб, двигались маленькие фигурки солдат. Рядом, на специальной тележке, расположилось тело мины, почти человеческого роста.

Да как же такую махину поднять на эдакую высоту и опустить в ствол? Оказалось, можно. Один из минометов-гигантов склонился, словно колодезный журавль, принял в свое чрево мину и снова задрал к небу широкую глотку.

— Хотите посмотреть, как стреляем? — спрашивает Николай Федорович, командир части.

— Хотим.

Остались позади НП и горбатые спины блиндажей. Мы идем в сторону цели, туда, где будут ложиться мины. Впереди нас уже никого нет.

Не совсем это приятное ощущение — сидеть в воронке и ждать, когда снаряды полетят над головой. А тут еще по нервам резко ударяет выстрел, и шелестящий звук проносится в стороне. Где-то за пригорком гремит разрыв. Нет, это не «наш». Напряжение ожидания нарастает, и со вздохом облегчения мы встречаем возникший далеко за спиной басовитый гром. И все. Ничего не слышно и не видно. Тянутся секунды, а впереди, в поле зрения видоискателя, все тот же унылый, осенний пейзаж. И когда уже кажется, что ничего не будет, над головой в серых тучах возникает звук, похожий на свист очень высоко летящего реактивного истребителя. Ну, раз над головой — значит над нами прошла! И точно. Впереди из земли вырывается черно-огненный фонтан, а через несколько мгновений до нашего пристанища доносится грохот. Разрывы ложатся точно в указанном нам заранее месте.

— Убедились? — улыбается Николай Федорович.

Говорим, что все нормально.

— Что же не пошли дальше? Я же говорил, что после первого разрыва можно подойти поближе, мы стреляем точно!

Этим днем и следующей ночью, наблюдая стрельбы других артиллерийских систем, мы имели возможность убедиться в справедливости слов офицера.

Разрыв снаряда большой мощности

Комсомолец-отличник, командир орудия сержант А. Топников.

К стрельбе готовы.

цов отряда его, комиссара, обнимают и целуют, как женщину.

Но вдруг над головами у них раздался испуганный детский крик:

— Дяденьки! Машинист умирает!

Лагун выпустил Арефьева, кинулся в паровозную будку. На руках, как ребенка, вынес оттуда Плавинского. Старик был без сознания: последние силы оставили его, как только он натянул ручку тормозов. Хорошо, что Володька поддержал его и он не свалился.

Лагун нес его в проходе между двумя составами-теплушками и бронированными платформами, в отчаянии, с болью звал:

— Дяденька Владислав! Товарищ Плавинский. Что с вами?

Машинист раскрыл глаза, узнал комиссара бронепоезда, улыбнулся, похвалил их:

— Молодцы. Спасибо.

— Вы герой, товарищ Плавинский. Спасибо. От имени революции. Но что с вами?

— Астма.

— Какая астма?! Вы же ранены!

Арефьев увидел, что телогрейка машиниста и штаны залиты кровью.

— Санитаров сюда!

Прибежали санитары. Старика положили на носилки.

— Простите, Владислав Францевич,— каялся растерянный, взволнованный Лагун.— Я плохо о вас подумал. Посчитал, что вы к немцам переметнулись.

Машинист снова улыбнулся:

— Ничего, Аверьян, ничего. Это у тебя от молодости. Повзрослеешь — научишься разбираться в людях. Я вот разобрался, видишь, где люди, а где... «викжель»...

Не все услышали, и почти никто не понял последнего слова старика. Арефьеву показалось, что он сказал: «Где люди, а где жужель».

Раненого понесли в санитарный вагон.

У комиссаров было много забот. Арефьев пошел к аппаратам — телеграфному и телефонному. Надо передать донесение в штаб фронта, спросить, что делать дальше. Это же не шутка — нарушили мир, который только что подписали.

Лагун занялся бронепоездом. Через час, неизвестно где, у кого на этом глухом разъезде, раздобыв красную краску, он сам, сбросив железнодорожную шинель, начал восстанавливать на бронированной плите название бронепоезда. Ему помогал Володька. Рядом стояли красногвардейцы, любовались их работой. Давали советы. Лагун возбужденно ругал немцев:

— Вот гады! Скребли, точно зубами, грызли броню. Так им страшно видеть имя товарища Ленина. Кайзеры проклятые! Буржуи недобитые! Нет, не выгрызть вам этого имени никогда и нигде! Скоро оно у вас в Германии на каждой стене, на каждом вагоне загорится. На радость пролетариям. На страх буржуям!

Комиссар старательно выводил кистью каждую букву. Прошло полчаса, и на броне запламенели два слова:

ТОВАРИЩЪ ЛЕНИНЪ

Непросохшая ярко-красная краска под мартовским солнцем действительно горела огнем.

Лагун отошел от бойцов, полюбовался надписью, своим бронепоездом, на миг застыл, как в почетном карауле. И все, кто стоял тут, замолчали.

Подошел Арефьев, тоже постоял, посмотрел на надпись. Спросил у Лагуна:

— Краски не осталось?

— Есть еще! Напишу на паровозе.

— Подожди. Краска нужна для другого дела.

— Зачем?

— Умер машинист.

— Пла..? — хотел спросить Лагун и не окончил слова, лицо его передернулось, человек-богатырь по-детски всхлипнул, по щекам потекли слезы. Он не стыдился их и долго не вытирал. Стоял с опущенными руками, пачкая кистью штаны, сквозь слезы смотрел на запад, куда стремительно бежали рельсы и где снова установилась тишина.

Володька сначала в недоумении посматривал то на Лагуна, то на Арефьева, потом заплакал навзрыд:

— Дяденька...

Лагун вздрогнул и, как бы злясь на себя, сорвал с головы шапку. И все сняли головные уборы.

В Новозыбкове солдаты революционного полка встречали бронепоезд, как никогда, торжественно — со знаменами, возгласами «ура!». На станции собрались почти все жители поселка. Железнодорожный оркестр исполнял «Интернационал».

Перевел с белорусского
М. ГОРБАЧЕВ.

Индийская столица Дели 17 ноября открывает свои гостеприимные двери виднейшим литераторам двух континентов — делегатам четвертой конференции писателей стран Азии и Африки.

Возникшее более десяти лет назад движение афроазиатских писателей снискало большое уважение в широких кругах общественности двух континентов, у тех, кто борется с оружием в руках за *свою свободу*, кто укрепляет экономические основы завоеваний независимости и кто полон решимости ликвидировать в Азии и Африке колониализм, расизм и другие порождения империализма.

Эти мысли и чувства ярко выражены в стихах афроазиатских поэтов, которые мы публикуем ниже.

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

Пакистан

ВЕСЫ

ПУШКИН. ПАМЯТНИК

Запахнувшись в сумерки сиреневые,
утопая в детских голосах,
он стоит, и ветер вдохновения
поправляет звезды в волосах.

С вечной жизнью мысленно танцуя,
обручен он тайною строкой,
и не смеют вспыхнуть поцелуи
у подножья Верности такой.

Как бессмертный, осень понимая,
как маэстро в сумрачной тиши,
он оркестр листьев поднимает
золотым отчаяньем души!

А зимой печально дирижирует
фонарем и белой тишиной.
И никто не смеет аплодировать,
лишь кивнет прохожий головой.

ВЬЕТНАМ

Посмотри, о чужестранец,
на портрет моей страны! —
«Тандерчифа» [1] смертный танец
в красной музыке войны!

В пятнах родина, как солнце.
В ночь луна пробилась лбом...
Синий берег — от бессонниц,
чернота — ожоги бомб.

Если взгляд твой различает,
за бездонной чернотой
можно видеть, как качает
мир зеленой головой.

У Меконга в желтом устье
серый пепел — вот мой кров!
Он обрызган белой грустью
всех растоптанных цветов.

Посмотри, о чужестранец!
Гнев мой сделался багров!
Он во мне — протуберанец
с миллионом языков!

В ночь, когда на нас напали,
он родился из глубин,
рядом с ним вся мощь напалма,
как охапка хворостин!

Моя ненависть чернеет:
вся, как сердце у врага.
В серой му́ке кровь болеет
от ударов сапога!

И от гор до побережья
в зове праведном огня
белым светится Надежда —
цветом завтрашнего дня!

СИНАЙСКАЯ ДОЛИНА

Это что же, грома исповедь?
Над Синаем дух коррид.
В эту ночь лицо у Истины
белым факелом горит!

Страшно с Истиной свидание:
исцелителем от бед
там убийца мироздания
выступает столько лет!

Пляшут молнии багряные,
даль синайскую сверля,
точно мысли окаянные,
что не выживет Земля!

Все смешалось, передернулось!
Глаз Всевидящий, ты где?
Кровью мир кругом заполнился,
тосковавший по воде!

Где же гордое безумие?
Будет кара или нет?
К черту жалобы беззубые!
В вечном бунте — наш ответ!

Пусть возникнет верность новая
между вечным «я» и «ты»,
и поднимется суровая
сила нашей правоты!

Нас прозвали безъязыкими,
но не знают до сих пор,
что возмездия великого
стоязыкий есть костер!

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Падала ночь за горизонт
раненой птицей...
Черной рубахой сползала тень
с голой России.

Ветер свистел, ветер алел,
все очищая.
И воскресало над головой
утро из мертвых!

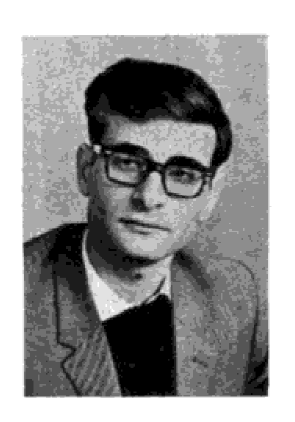
С громом открыло свои врата
Небо Седьмое,
так что сорвало со всех петель
тюрем ворота!

Окна потухли в старых дворцах,
перекосились.
И рассмеялись звоном стекла
приговоренно.

В эту минуту кто-то не спал
и, озаренный,
Дом Демократии строил уже
для Человека.

Перевел с урду Николай ЗИНОВЬЕВ.

[1] Американский самолет.

Махмуд **ДЕРВИШ**

Песни моей маленькой Родине

1

Тюремщики земли,
на ветке пальмы
под солнцем дня
когда-нибудь
вы вздернете меня.
Но вам ни словом
и ни жестом рук
не выдав тайну
пальм,
умру.
О родина моя!
Она не сказок дым.
Не свет на розе
и не шумный гимн.
Она, как ветер.
Ее руками
народ разрушит
тюремный камень.
Исчезнет злоба.
Не будет страха.
И станет прахом
навеки плаха.
Земля эта —
кожа моя и кости.
Сердце мое —
не мертвец на погосте.
Его ни свинцом
не убить,
ни напалмом.
Взвивается ввысь оно
мощною пальмой.

2

Родина!
Темной ярости коршуна,
светлой нежности
оптимиста

учит меня железо.
Никогда я не думал,
что в глубинах крови
могут рождаться циклоны
и свадьбы справлять ручьи.
Между мной и светом —
решетка.
Но тысяча солнц полыхает
в сердце моем.
Мой арестантский номер
кровоточит на стене.
Но я вижу на ней
цветущие нивы.
В темнице портрет
моего палача намалеван.
Но след его стерла
тень женской косы.
Твое имя я в камне
выгрыз зубами
и чуткие пальцы свои
запустил
в желтые волосы Света.
В моих темных зрачках —
ни мольбы, ни слезы.
Только пламя.
И, если сожгут меня
на кресте
моей гордой Любви,
я стану святым
в белоснежных одеждах
борца за судьбу Человека.

3

Нет, это правда. Не сон.
Еще существуют места,
где в саду белеет балкон
и ангелам дарят уста
песню и крылья в ночи.
Птицы, птицы —
мои палачи,
растревожили душу. Тоска
по тебе
к горлу подходит и выше.
Наша любовь — пистолет у виска.
Наши песни от ран
еле дышат.
Позовешь — и на твой
чудодейственный зов
вырывается сердце на волю,
но среди невысоких холмов
оно тонет в озере боли.

Перевел с арабского
Георгий АШКИНАДЗЕ.

Агуштинью НЕТУ
Ангола

ЧАС НАСТАЛ!

Нестерпимым стал беспросветный мрак
Напрасных надежд
И медлительных дней,
Мрак, в котором поспешно вершатся
Только казни невинных,
Мрак, в котором томятся юные жизни,
Зажатые в стенах жестокости,
Словно в камерах,
Переполненных смертниками.

Час настал разогнать этот мрак
Безысходных жестов и слов,
И робких улыбок,
И библейской покорности,
Призывавшей в ответ на удар
Подставить вторую щеку.

Выступает могучая сила,
Разумная и отважная,
Она призывает к другому:
Зуб за зуб,
Око за око
И человек — за человека!

Выступает могучая сила
Отважной народной армии,
Она начинает сраженье
За свободу людей.
Час настал!
Идет ураган отомстить за былое!
Застывшие реки
Превращаются в водопады,
Леса содрогаются в ужасе,
Вихри с корнями вырывают деревья
И ломают стволы друг о друга.

На влажную землю
Опадают плоды и листья,
Чтоб оросить ее своим соком,
И на этой священной земле
Раздавлены будут враги,
Проклятые, осужденные
Грядущими поколениями,
Народом, истерзанным
В теченье пяти веков!

О великая Африка,
Пережившая эти века
Несправедливостей и унижений,
Накопившихся в жаркой груди твоей!

О великая Африка,
Где в горячей земле
Рыдают миллионы солдат,
Проигравших сраженья,
И с досадой скрежещут зубами
Одиночки,
Пренебрегшие общей борьбой.

Пусть же грянет гроза
И сверкнет раскаленная молния,
Чтоб вспугнуть малодушных,
Чтоб спалить дотла
Безумье святош
И гниль предрассудков.
Торжествующим криком земли и сердец
Пусть взорвется уверенность
В нашем завтрашнем дне,
Торопя
освобождение узников,
Прикованных к дереву рабства,
Мучеников,
истерзанных в тюрьмах,
Мучеников,
истерзанных тяжкой работой,
Всех оскорбленных
и всех обездоленных.

Мы героев не ждем,
Мы сами героями станем,
Руки наши и голоса
Сольем воедино,
Каждый честно исполнит свой долг,
Пядь за пядью освобождая Анголу.

И клянемся,
Что с этой минуты
До полной победы
Нашей песней единственной
Будет борьба!

Перевела с португальского
Лидия НЕКРАСОВА.

Амрита ПРИТАМ
Индия

ПОСЛАНИЕ

Луна и солнце — мои чернильницы,
В них погружаю кончик пера.
Хочу, чтобы вся планета услышала
Голос надежды, любви, добра!

Правителям надо бы прочитать
Это посланье любви и света,
Прежде чем начали в ход пускать
Грозные бомбы, газы, ракеты.

Ученым надо бы прочитать
Мое посланье к людям планеты,
Чтоб перестали изобретать
Новые бомбы, газы, ракеты.

Пишу,
Обращаясь к живым миллионам,
Пишу все взволнованней,
Все горячей,
Пишу ситары певучим звоном
На языке весенних лучей.

И если язык моего письма
Дорогу к душе твоей не найдет,
Тогда кого-нибудь из влюбленных
Прочесть попроси —
он сразу поймет.
А если мать у тебя жива,
Пускай письмо прочитает мать,—
Лучше матери
эти слова
Никому не понять!

Прочтите, люди, мое посланье,
Поймите, где правда и где обман,
На праздник сойдитесь,
Кругом оглянитесь:
Где же границы стран?
Где же границы стран?
От них на карте остаются названья,
А для любви,
для дружбы,
для знанья,
Как для стремительных, вольных птиц,
Нет никаких границ!

Еще мы с тобой не знакомы, сестра,
Еще я не знаю, где ты,
Но на посланье любви и добра
Жду от тебя ответа.
Луна и солнце — твои чернильницы,
Нежной рукою перо возьми,—
Слова, что из чистого сердца выльются,
Будут подхвачены всеми людьми —
Два слога надежды:
— Шанти! Шанти! [1]
— Мир! Мир!
— Враждовать перестаньте,
К свету и к счастью, люди, воспряньте!
Шанти! Шанти! Шанти!..

Цветет земля...
Ты под кровлей родной сидишь,
За дальним полетом письма своего следишь
И глубоко задумалась...

Перевел с панджабского
Сергей СЕВЕРЦЕВ.

---

[1] Мир.

БОРОЗДА ЧЕМПИОНОВ

На первой странице обложки вы видите победителей IV Всесоюзного соревнования пахарей Ивана Левицкого и Илгу Свилпе.

В середине октября около пятидесяти лучших механизаторов страны вывели свои тракторы на поля Черкасской государственной опытной сельскохозяйственной станции. Это был финал IV Всесоюзного соревнования пахарей, число участников которого в нынешнем году перевалило за два миллиона! И вот брошен жребий, пахари разошлись по загонкам, повели первые борозды... Внимание многих привлекло мастерство эстонца Кустаса Лунда, призера прошлого года. Да и сам Кустас был уверен, что на этот раз он займет высшую ступеньку пьедестала. Но поднялся на нее его сосед по загонке, комсомолец Иван Левицкий. Тракторист колхоза «Родина», Стороженицкого района, Черновицкой области, был провозглашен абсолютным чемпионом страны 1970 года! Это большой успех Ивана Левицкого, который еще в прошлом году занимал довольно скромное место среди участников финала. Очевидно, урок мастерства, преподанный прошлогодним чемпионом Евгением Низовских и тем же Кустасом Лундом в 1969 году, помог молодому трактористу добиться совершенства: он получил 98 баллов из 100 возможных!

Среди женщин победительницей стала Илга Свилпе, трактористка колхоза «Сарканайс Стрелниекс», Латвийской ССР. Рассказывают, что Илга все лето готовилась к чемпионату. Она всего четыре года водит трактор, но уже дважды участвовала во Всесоюзном соревновании пахарей. Чтобы овладеть мастерством, не терять очков из-за огрехов, Илга еще и по выходным дням и в свободное от работы время добивалась ювелирной точности в пахоте. И вот теперь ее борозды — лучшие в стране, а Илга — чемпионка!

Колхозы, где новые чемпионы по-прежнему пашут свою будничную пашню, награждены призом «Золотой плужок».

Н. БЫКОВ

ПИСЬМА, ПРИШЕДШИЕ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

Ф. РОДИОНОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Эти письма необычные: на конвертах нет адресов, их не носили в своих сумках почтальоны, они были отосланы в далекую даль, но так и не покинули того дома, в котором писались. И все-таки длинный путь прошли эти письма — путь длиной в пять лет.

Но довольно загадок. В 1965 году в школе имени Горького легендарного Краснодона мальчишки и девчонки, прервав выпускной бал, снова сели за парты — они писали о своих мечтах, о своих планах, они пытались представить, какими станут через пять лет. Конверты решено было вскрыть в 1970 году. И вот они вскрыты. Мечты пятилетней давности... Осуществились ли они? Реальными ли оказались планы, которые строили мальчишки и девчонки, покидая школу?

С директором школы Иваном Родионовичем Чунаковым я перелистываю тетрадные странички, и тот выпускной вечер через годы будто снова возвращается сюда, в школу. «Сегодня я прощаюсь со школой. Звучит прощальный школьный вальс,— писала Лина Карбовская.— И под звуки этой мелодии приятно мечтать, вспоминать».

Звучит прощальный вальс. Ребята думают о пережитом, о будущем на этом водоразделе жизни.

«Поистине богат и счастлив тот человек, кто имеет верных друзей,— записывает Люда Чумакова.— Моя мечта быть таким человеком. Вступив в жизнь, я хочу больше встречать настоящих людей. И сама постараюсь быть такой».

Но больше всего мыслей о будущей работе. «Я хочу стать педагогом. Хочу учить детей и этим приносить пользу людям»,— записывает Рая Новохацкая. А вот скоропись Люды Батищевой: «Мечтаю стать полезным людям человеком. А еще стать цветоводом. Украшать наши города, жизнь наших людей».

В школьное окно виден вечный огонь у могилы молодогвардейцев. Многие из них учились в школе имени Горького. Полощется на ветру огонь. И мечты живых перекликаются с мечтами погибших героев! «Я только хочу всей своей жизнью принести столько пользы людям, делу коммунизма, сколько я способна. Для этого стоит жить и упорно бороться»,— мечтала Ангелина Самошина, которая вместе с Улей Громовой писала антифашистские листовки и расклеивала их в городе. Ангелину тоже пытали, а потом сбросили в шурф шахты № 5.

Письма, письма... Самим себе, в будущее — Володи Тимченко, Гены Бондарева, Оли Литвинец, Светланы Петренко. О подвигах, о доблестях, о славе...

Случается, что мечты называют «воздушными замками». Но так ли это? Я бы назвал их эмоциональным планированием. Мечтая, советский человек соотносит свою судьбу с судьбой общества. Выйдя из школы на перекресток тысячи жизненных дорог, парень или девушка перед первым шагом к будущей профессии хочет хорошо представить себе эту профессию, разглядеть себя на выбранной рабочей стезе и при этом уметь соотносить свою судьбу с судьбой общества.

* * *

...Изо дня в день обходила подстанцию шахты Таня Мамонова, дежурила долгими ночами, мерила электрический пульс шахты. И училась. Окончила техникум, теперь занимается в институте.

...«Алло, вторая!»,— звучал на коммутаторе голос Люды Крысиной. К нему уже все-все привыкли. Это был голос шахты. Но вот в телефонной трубке стала отзываться другая дивчина. А Люда уехала учиться. В Краснодон вернется инженером-связистом.

На шахте Суходольская-1 я встретил еще одного выпускника школы имени Горького 1965 года — Володю Тимченко. К тому времени он был уже студентом Коммунарского горно-металлургического института. Володя поднялся на-гора черный от угольной пыли. Это была его первая студенческая практика.

Суходольскую-1 он, наверное, знал не хуже кадрового шахтера. Сразу после школы спустился в ее забой. Был Володя заготовителем в звене.

Долго приглядывались к Тимченко на шахте. А когда поняли, что выйдет из него хороший горняк, дали путевку на очное отделение института. Теперь шахта платит ему ежемесячно стипендию. И вот первая практика. Володя тыльной стороной ладони смахивает пот со лба.

— Сначала боялся спускаться в забой,— говорит он и улыбается, словно виновато.— Все думал: «А вдруг отвык я в институте от шахты? Перед ребятами в грязь лицом ударю. Ведь на их счет, можно сказать, живу...»

Потом мы разыскали одноклассников Володи — Петра Перекрестова и Гену Богданова. Оба недавно вернулись из армии. А вернувшись, тут же поступили в вечерний институт.

— Кем работаете, ребята?

— Крепильщиками,— откликнулся Перекрестов.

— Сколько получаете?

— Да рублей двести...

— Хорошие деньги... Можно бы и не учиться...

Петр недоверчиво щупает меня светлыми глазами, словно проверяя, всерьез ли задан вопрос.

— Зачем же мою жизнь деньгами мерить? Ради этого не стоит жить,— отвечает он.— И жить и работать надо интересно. А что крепильщик? В забоях уже автоматическую крепь придумали... Так что наша профессия скоро будет представлять только исторический интерес. У каждого человека своя цель есть...

...Я долго бродил по залам и комнатам Дворца культуры «Молодая гвардия», пока не услышал из-за одних дверей звуки вальса Грибоедова. У старенького пианино сидела Оля Литвинец. Вскоре занятия кончились, мы разговорились.

— Вот стала преподавателем музыки. Но обязательно буду инженером. Учусь на третьем курсе заочно, добьюсь своего, чего бы это ни стоило.

И она заговорила о компрессорах и прочей технике, не имевшей никакого отношения к музыке. Однако Оля утверждала, что в конструкции тех же компрессоров лежит не меньшая гармония, чем в сонатах Бетховена. Наш разговор прервало появление еще одного ученика.

Вослед мне опять зазвучал грибоедовский вальс, а я вспоминал о том, что написала Оля Литвинец на выпускном балу: «Я хочу стать инженером, чтобы что-то значить в жизни».

Откуда у ребят такая одержимость в достижении цели, воля?

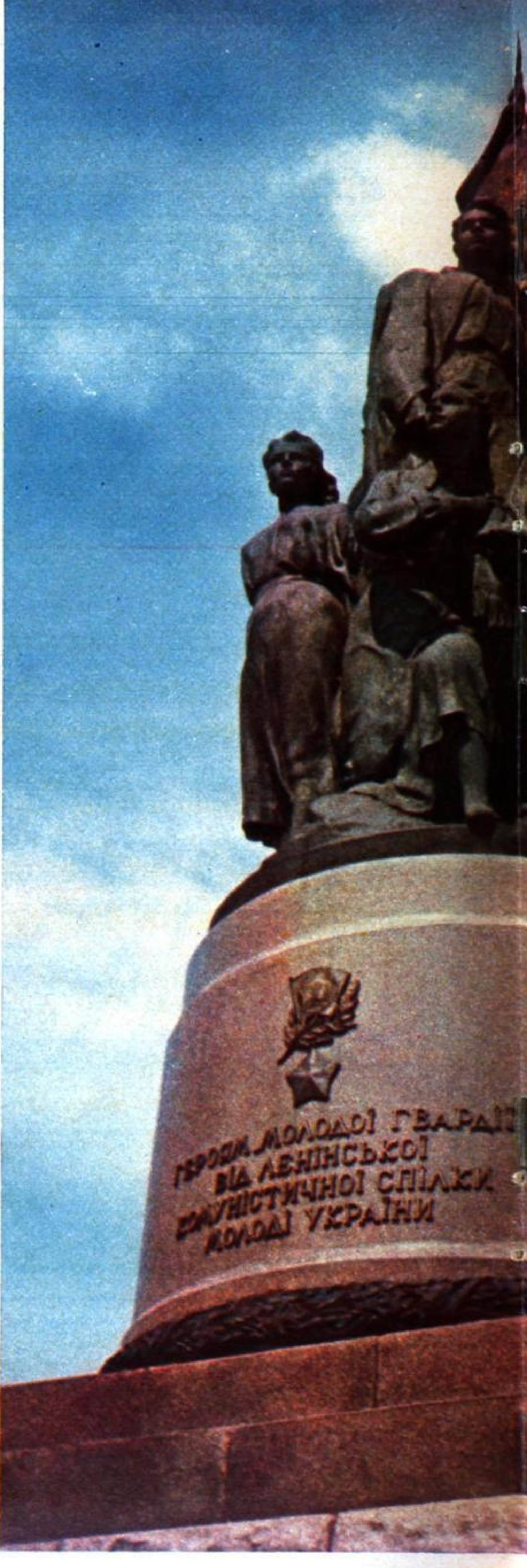
...Я был в классе, где они когда-то занимались. В нем учился и Олег Кошевой. Здесь стояла его парта. За окнами шумели вековые вязы. Было все, как до войны. Только внизу горел вечный огонь...

Я был в классе. Шел урок. Не-

Краснодон. Музей «Молодая гвардия». Здесь юность принимает эстафету подвига.

Молодогвардеец Радий Юркин.

Петр Перекрестов — краснодонец, шахтер, студент.

Не только в бронзе они увековеч

ены — в памяти народной.

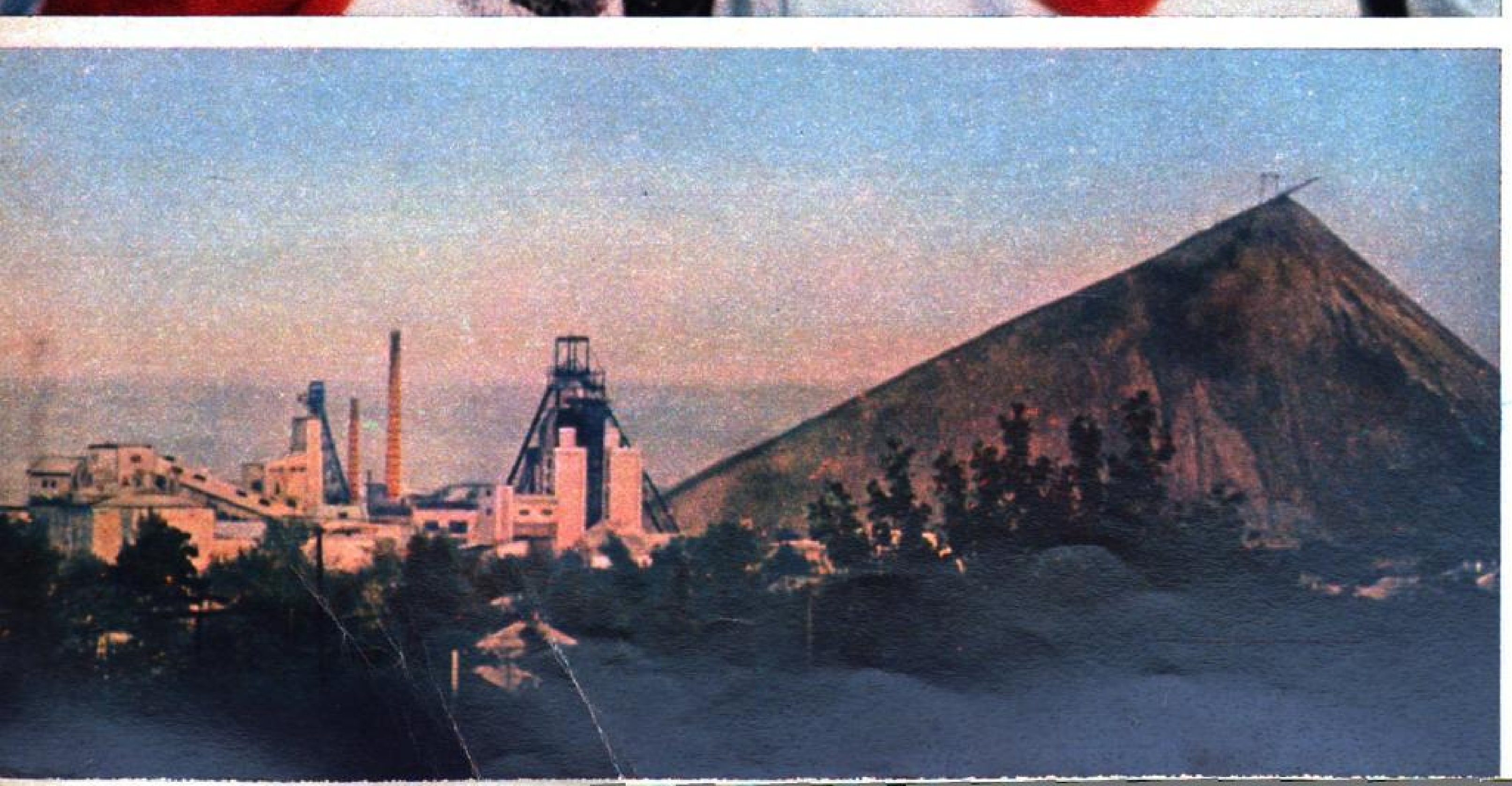
Вечно живым — цветы живые...

Здание музея — в нем хранятся священные реликвии молодогвардейцев.

Светлана Петренко и ее питомцы.

Рукотворные горы Краснодона.

А. А. Фадеев и Валя Борц среди читателей «Молодой гвардии». 1947 год.

ожиданно учительница сказала:

— Сегодня у доски отвечает Олег Кошевой.

И вышел парнишка, напряженный, волнующийся. Нет, конечно, это был не Кошевой и даже не однофамилец. Просто раз в месяц каждый ученик класса отвечал урок за Олега. И оценка ставилась в дневник Кошевого. На обложке так и было тиснуто типографской краской: дневник ученика средней школы № 1 имени Горького Героя Советского Союза Олега Кошевого.

Парнишка, видно, знал урок назубок, но все равно очень волновался. И я понимал его. В конце недели дневник отнесут матери Олега, Елене Николаевне, и она поставит подпись.

На том прощальном вечере пятнадцать лет назад ребята дали клятву. Она передо мной:

«Я, выпускник средней школы № 1 имени Горького.

Клянусь быть всегда честным, правдивым, активно трудиться во имя быстрейшего построения коммунизма в нашей стране!

Клянусь, что всей своей жизнью буду продолжать бессмертные традиции молодогвардейцев!»

Потом они повзрослели, стали старше ребят из «Молодой гвардии». Молодогвардейцы остались на восемнадцатой версте жизни. Боролись и погибли, чтобы жили они, современники, чтобы учились они, чтобы работали они. Молодогвардейцы пожертвовали жизнью ради победы, ради будущего своей страны. И ради будущих учеников своей школы. А нужно ли чем-либо жертвовать нынешним выпускникам? И умеют ли они жертвовать?..

Я спросил Светлану Петренко, почему она отказалась от того, о чем мечтала на выпускном балу: «Через пять лет я очень хочу стать врачом».

— Тогда были нужны учителя,— коротко ответила она.

Тогда она поступила в одиннадцатый класс, через год стала педагогом в селе Верхняя Шеверевка, начала учиться в университете, заочно, конечно...

— А легко ли так?

— Нелегко,— ответила она. Нахмурилась.— Особенно с мальчишками...

Сначала ей не очень-то повезло. Четвертый класс встретил ее настороженно. Но она не заметила этого. Видела только сорок четыре славные, сияющие мордашки — был первый день занятий.

Но скоро Светлана почувствовала, что класс подчиняется не ее, другой воле. Она применяла самые «хитрые» педагогические уловки. Пыталась организовать увлекательные путешествия по округе, походы в кино. Но являлись единицы. Все старания шли прахом. Однажды на школьном дворе она увидела, как крутолобый, плотный мальчишка наскакивал на одного из ее «активистов».

— За что? — отступал от крутолобого «активист».

— Зачем против меня идешь? Зачем с учительницей в кино ходил, когда все не ходили? — И он уже приготовился пустить в ход свои крепкие кулачонки, но увидел Светлану, и его словно ветром сдуло.

Так вот кто был ее «злым гением»! Коля Резников. Неделю она внимательно следила за ним, изучала. Он стал в конце концов ее союзником и помощником, этот до отчаянности смелый и очень правдивый мальчик.

...Краснодон, подвиг молодогвардейцев знает в нашей стране каждый. Это яркая страница в истории комсомола. Но если вы хоть раз побываете в Краснодоне, то поймете, что это не легенда и история. Так было и со мной, когда в гостиничном номере по радио я услышал среди обычных, будничных новостей такое сообщение: «Олег Кошевой выполнил сменное задание в бригаде Мамая на сто пятьдесят процентов...»

Потом я был на шахтах, стройках и фабриках Краснодона. И везде ощущал этот эффект присутствия, потому что зачисление молодогвардейцев в классы, звенья, бригады, участки не было пустой формальностью. В забое на шахте Суходольская-1 я видел, как в бригаде Колесникова вместо пятнадцати человек работало четырнадцать. Пятнадцатым был Олег Кошевой, зачисленный в бригаду навечно. И бригада перевыполняла план.

Ночью я спустился в лаву к Саше Колесникову, где тоже работали выпускники школы имени Горького. Из глубины лавы рос, нарастал шум, и наконец я увидел приземистое тело комбайна, рядом с которым шел Колесников. Он вел комбайн без остановки. Я знал, что ребята решили дать за ночную смену три сотни тонн угля сверх плана. Дело у них шло отлично. И вдруг скрежет рвущегося металла. Застыл конвейер. В лаве зазвенела тишина.

— Цепь оборвалась,—досадливо дернул каску на лоб Колесников.

Они пошли вдоль конвейера, перебирая звенья цепи, засыпанные углем. И уже через несколько минут раздался обрадованный голос Саши:

— Есть!

Но разрывов, как оказалось, было несколько. Звено за звеном проверял Колесников, до крови сбив руки. Когда на него падал свет коногонок, я видел, как пот катил по его лицу ручьями, оставляя на густо припудренной углем коже белые борозды...

Конвейер заработал только через два часа. Правда, потом мне говорили, что на такой ремонт уходят и все четыре часа. Однако это было небольшим утешением. Два часа все равно потеряно. И тут начался штурм. Саша включил самую высокую скорость. Комбайн плыл, как мощный скутер, оставляя за собой крутую волну угольного крошева. Когда утром мы поднялись на поверхность, я узнал, что триста тонн сверх плана колесниковцы все-таки дали нагора.

Кто помог им сделать это? Не знаю. Знаю только, что в тот день, как и всегда, в звене Колесникова работал Олег Кошевой. А в других — Иван Земнухов, Уля Громова, Сережа Тюленин, Люба Шевцова — все, все молодогвардейцы работали в бригадах, звеньях, на фермах среди живущих сегодня.

Я вспоминаю стихотворение одного чувашского поэта, которое, к сожалению, не переведено на русский. Но смысл его таков: «Пуля, убившая на войне моего старшего брата, пробила его грудь и попала в меня. Она носится в моих жилах, и моя кровь кипит. Я не могу прожить жизнь хуже, чем мой старший брат».

...Осень. Бьется на ветру вечный огонь. Из своих классов школьники видят его каждый день. А весной опять будет звучать прощальный школьный вальс на выпускных вечерах. И опять семнадцатилетние будут мечтать и строить планы.

В Австралию, с лучшими воспоминаниями!

Австралийская писательница Бетти Коллинс.

В Москве, на улице Чернышевского, в библиотеке имени Н. Погодина, происходила не совсем обычная читательская конференция. Сюда на обсуждение своего романа «В медном котле» приехала гостящая в Советском Союзе прогрессивная австралийская писательница Бетти Коллинс. Собравшиеся здесь люди самых различных профессий тепло отзывались о романе, говорили, что его герои—рабочие крупнейшего в Австралии медного рудника Маунт Айзе — близки и понятны им.

— Роман в значительной степени автобиографичен,— рассказала Бетти Коллинс.— Чтобы его написать, я поехала на рудник, жила там, работала, непосредственно участвуя в тех драматических событиях, которые там происходили. Я очень счастлива, что здесь, в Советском Союзе, в Москве читают мой роман и, главное, понимают его так, как я хотела, чтобы понимали.

Отвечая на вопросы читателей, Бетти Коллинс рассказала, что добиралась до Советского Союза и на пароходе, и поездом, и самолетом. Пересекла Малайзию, Индию, Афганистан.

— На советскую землю я ступила в Ташкенте,— говорит писательница.— Осмотрела этот прекрасный город, побывала в Самарканде. Раньше я никогда не выезжала из родной страны. И вот, выехав в первый раз в страну социализма, я открыла для себя новый, чудесный мир, обрела много добрых друзей. Домой в Австралию я повезу самые лучшие впечатления и воспоминания о Советском Союзе, о Москве, о советских людях — внимательных читателях и взыскательных ценителях литературы.

В Москве Бетти Коллинс посетила редакцию журнала «Огонек».

А. ГОЛИКОВ

Коммунисты всегда впереди

Сергей Тихонович Харламов.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Путешествуя по дорогам, на которых Василием Васильевичем Докучаевым был создан классический «Русский чернозем», я искал увлеченного почвоохраной секретаря сельского райкома партии. Почему секретаря — не агронома или почвоведа? Потому что охрана почв — большее, чем техническая наука. Это образ мышления. В основе такого мышления лежит исполненная величия и доброты формула: «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейств, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям». Так написал Карл Маркс.

Сфера партийного работника — умы, души, он формирует общественное мнение. Так не вожаку ли коммунистов воспитывать в земледельце отеческое чувство к потомкам!

Если не принимать мер, то водная эрозия грозит достигнуть размеров бедствия, когда ежегодно с полей и пастбищ могут быть смыты гигантские массы почвы, а с ними безвозвратно уносятся миллионы тонн азота, огромные количества фосфора, калия, кальция и накопленного природой перегноя; когда потери талых вод, разрушающих почву, достигают десятков миллиардов тонн в год и значительно сокращают возможный урожай озимых. Любую порчу земли партия потребовала считать антиобщественным поступком. И слово становится делом и во многих хозяйствах стронулось, загорелось. Значит, не может быть, чтоб где-то такие хозяйства не сгрудились в некое крупное целое, в район. Оставалось только найти и район и тамошнего секретаря.

Логично было полагать, что интересующий нас человек по первой профессии — почвовед, лесовод, агроном; что о нем уже писали, ибо дело требует лет, а пишущий люд значительного не упустит; что лежит тот район там, где действуют старые дрожжи, оставленные русской классической агрономией.

Широко известны противоовражные работы в черкасском Каневе — они были начаты для спасения ландшафта близ высокой могилы Тараса. Побывал там. Сделано впрямь много, сюда едут учиться. Лотки-быстротоки (своего рода бетонные пломбы), водосбросы разного типа, насыпи прекратили рост земных язв. Но... не земледелец делал эту работу, тут борьба с водой, а не за воду! Хоть и чистым скатывается в Днепр поток, он скатывается, а как сто кубов вниз, так и центнер зерновых следом.

В Великом Анадоле под Донецком шумят дубы, посаженные докучаевской Особой экспедицией. Был в райкоме: здорово занимаются дорожным строительством, сооружают сельские культурные центры, есть что поглядеть. Но зимой 1969 года многие здешние колхозы жестоко пострадали от эрозии. Не то...

Каменная степь, среднерусское диво. Исцеленная природа ярка и полнокровна; в докучаевских дубравах, в ковыле заповедной целины полно птах и шустрого зверья; в прудах Хорольской балки, превращенной из страшной промоины в чудный лесопарк, плодится золотой карась. И по тому, как затихает приезжий экскурсант, как задумчиво грызет былинку, угадываешь в нем собственную мысль: «Батюшки, до чего же хороша непорченая земля...»

— Почвовед? Дайте вспомнить. Нет, нету. А вы возьмите... Правда, это далековато, но интересно. Он педагог...

Не нужен мне педагог. Секретарь райкома партии нужен, секретарь, понимающий в эрозии!

— А Харламов понимает. Он в Каменной степи частый гость. По диплому историк, но в землю врос.

«Харламов? Не слыхано, не читано».

— Да они, грибановцы, больше помалкивают...

Сергей Тихонович Харламов первым секретарем в Грибановском районе, Воронежской области, уже семь лет. И до этого был первым — в другом районе. Словом, отнюдь не случайный человек на партийной работе.

В прошлом он действительно преподавал историю, и от учительского в нем много уцелело. Ясная, раздельная речь. Стремление, чтоб слово никогда не противостояло делу. Привычка втолковывать, объяснять, а не распоряжаться и «озадачивать». Харламов — интеллигент, и не только по манере говорить «ты» только тем, от кого слышит «ты», не только по преданной любви к истории. Он интеллигент в силу постоянной мыслительной работы, диктуемой причинами нравственного свойства.

Расхищать, транжирить то, что тебе не принадлежит,— дурно и недостойно; украшать и обогащать то, что связывает твое поколение с грядущими,— хорошо, весело и непременно полезно, доходно, прибыльно. Вот в нескольких высокопарной передаче нравственный его стержень.

Мы поездили по водоразделам тишайшей Савалы и Елани, исходили пойму Вороны и Карачана, повидали летний Теллермановский лес с редкостной игрой светотени, толковали с трактористами, лесоводами, пастухами, провели — было такое дело — ночь у костра. Сергей Тихонович показал пять тысяч гектаров посаженного в последние годы леса, пруды, орошаемые участки, террасы...

Что ж, рай, «страна Муравия», повсеместное благоденствие? Нет, строительный участок. Все перевоготилось и только укладывается. Видимо, лет семьдесят пять назад так же выглядела и Каменная

ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ

Живая вода...

степь, только линии электропередач, бульдозеры и трубопроводы в докучаевском пейзаже не участвовали.

Сергей Тихонович дал мне статью из областной газеты, единственную свою публикацию: «Усилия, рассчитанные на годы». Дело только начато, да и пятилетку, в сущности, не выполнили: намечали ведь шесть тысяч гектаров лесопосадок, сдюжили пять...

Прощальное рукопожатие:

— Спасибо, успехов вам.

— Счастливо, приезжайте еще.

...Обратной дорогой в Каменную степь я старался обдумать увиденное.

Докучаев был выдающимся ученым. Им в комплексе отработана Каменная степь — создано шестьдесят с небольшим десятин леса, тринадцать прудов, участок орошения...

В Грибановском районе 112 тысяч гектаров пашни и 41 тысяча гектаров овражной сети, протянувшей щупальцы буквально к каждому полю. Умножить опыт основателя почвоведения в сто раз, не будучи даже специалистом, не имея вначале ни базы, ни научных сил, ни поддержки, заурядный человек не может.

Харламов — прежде всего политик. Уловить «гвоздь» момента — не отрываться от реальности, но и не упустить время! Почему погибали посадки пятидесятых годов, ведь технически план был здрав и разумен? Колхозник не был заинтересован в урожае. Если поле не дает верных денег сегодня, то дубок не взойдет, пруд прорвет в половодье, а березку потравят телята.

С мартовским (1965 год) Пленумом ЦК КПСС твердый интерес пришел. С ним, однако, и реальная опасность, что бригады и звенья пойдут спешно выкачивать плодородие — ведь цены-то какие! А эти цены — государственное побуждение к охране земли. Вчера было рано, завтра будет поздно. Секретарь подобрал «штаб» — по знаниям, склонностям и запасам энергии.

Харламов — организатор. Принципиальный вопрос: кто будет растить лес? Лесхоз? Но мало того, что ему нипочем не осилить задуманного, в колхозе и отношение к готовенькому, пришедшему даром определенное: посадки будут погибать от самых неожиданных и всегда «уважительных» причин. Колхозник — хозяин земли, он ответствен за нее. Значит, колхоз? А посадочный материал, а техническое руководство?

Нет, вместе! Колхозник и государство — в лице лесничих, проектировщиков, мелиораторов.

В хозяйствах создали лесоводческие звенья. Механизаторам и колхозницам, что доглядывают за полосами, надо платить, как создающим нынешний урожай: и премиальный сахар давать, и хлеб, и деньги.

Харламов — это генератор энергии. Одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть: омолодить поля, удержать на них влагу, убить метастазы овражной сети! Да, мы бьемся за планы зерна, молока, мяса, но не будем выжимать их из земли, истощая нивку. Да, колхозник должен лучше жить, должен перекрыть железом соломенную крышу и купить мотоцикл, но не за счет займа у тех, кто будет пахать в конце века! Чушь, будто польза от таких трудов явится через десятилетия, есть пути удвоить и сегодняшние сборы. Член-корреспондент ВАСХНИЛ Игорь Александрович Скачков хочет воплотить идеи террас, полива из прудов — дадим ему развернуться. Мелиоративные проекты на каждый участок упрятаны в особый чемоданчик, место ему в багажнике «Волги», и ни один разговор Харламова с агрономом, бригадиром, председателем не обойдется без обращения к тому чемодану: «Почему отстали? Что жмет? Как же возник просчет, кто виновен, кто исправит? Что предпринимает партийная организация?»

Можно честно выполнять план-заказ и быть до предела занятым. Можно к тому добавить дорожное, скажем, строительство — и отдыхать в воскресенье. Но можно к тому и другому затеять десятки сложнейших объектов, работать разом на сегодня и на девяностый год, взбудоражить умы дерзостными планами — и всегда иметь время на неспешный диалог с другом, на беседы с коммунистами, на бойкий разговор с тетками в поле, на лекцию для приезжих и одинокую прогулку по сжатой полосе. Перерасход сил, работа на износ, жертвенность? Галиматья — Харламов живет с радостью, доброе дело нельзя делать насупясь!

Но голова должна оставаться холодной. В увлечении легко наломать дров. Самое простое. В районе колхозники держат пуховых коз. Много держат — около полутораста тысяч. Коза — нешуточный враг леса, а если на каждый гектар леса приходится двадцать пять шкодливых животин... Проблема! А взять да и ограничить, или на коров село перевести, или... Но колхозницы вяжут платки, превосходные пуховые платки на манер оренбургских, это дает в бюджет колхозных семей миллионов десять рублей в год. Свести козу — значит и доходы резко убавить, и у покупателя отнять товар, и восстановить колхозниц против леса. Нет, личного хозяйства район не тронул, а вот спрос с пастухов стал строжайшим, сами звенья доглядывают — и девять из десятка посаженных желудей вырастают в дубки.

Публикуемые фотографии помогают взглянуть на грани грибановского комплекса.

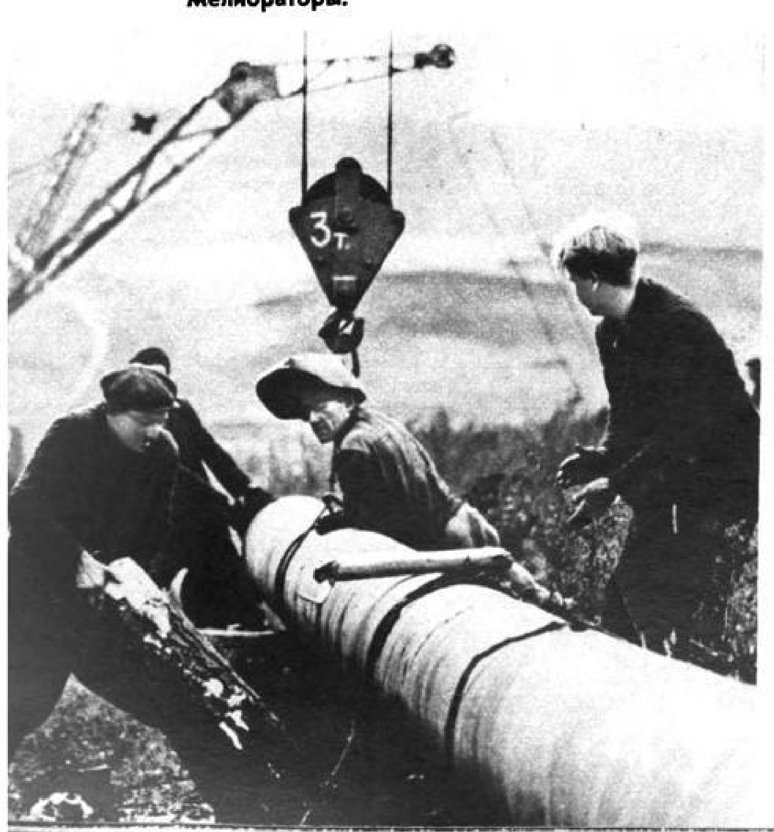
Деревце рождается в питомнике. Директор Теллермановского лесхоза Петр Игнатьевич Бороздин — человек «легкой руки», у него и взойдет и приживется. Он возглавил тот «штаб», отвечает за научную сторону дела, с секретарем райкома партии за семь лет они научились понимать друг друга с полуслова.

На овраг наброшена зеленая петля: больше ему не расти. Но остановить наступление мало, ведь осушительная сеть будет и впредь сбрасывать влагу в море! Вспомним: Климент Аркадьевич Тимирязев мечтал о радикальном сокрушении засухи путем строительства запруд в оврагах и возвращения собранной влаги на поля. Недостающим звеном была машина для перекачки воды. Теперь есть электронасос.

Мы вошли в твою дьявольскую мастерскую, эрозия. И овраг станет накопителем — не мотом. «Пруд пустой — спасибо агроному и выговор мелиоратору; пруд полный — нагоняй агроному, благодарность мелиоратору» — одно из правил Харламова. Какой это теперь дефицит в Грибановке — трубы! Откуда только не везут их добычливые председатели, а все нехватка. Потому что труба нагнетает урожай. Резервуар держит на господствующей высотке запас воды для полива — и шумит дождь при безоблачном небе, поле в самую сушь получает назад ту воду, что потеряло весной. «Агроном без орошаемого участка — бессмыслица...» — тоже из афоризмов Сергея Тихоновича. Сейчас в колхозах поливается пять тысяч гектаров пашни, урожай против суходольного

Мелиораторы.

...И встанут ветроломы!

Разговор о земле.

возрастает минимум вдвое. Это только задел: сорок тысяч гектаров посевов можно любым летом держать в нормальном состоянии, если удержать талые воды. На участках орошения заняты те же звенья, что растят лес,— благами почвозащиты действительно пользуется сам защищающий.

Но как отнять у эрозии и заставить служить человеку крутые склоны бугров, обрывы, что высятся над поймами речек? Бесплодней Ардакова бугра не было места ни под селом Листопадовкой, ни во всем районе. Отважились на дело высокого технического класса: горизонтальные террасы. А на них яблоневый сад! И ведь вышло. Даже воду сюда тянут. Полтораста гектаров «висячих садов Листопадовки» — если не одно из чудес района, то уж мелиораторская удача наверняка.

Усилия, рассчитанные на годы!.. Программа лесопосадок завершается, но Харламов нигде и никому не говорит: «Вот когда закончим...» Нельзя закончить почвозащиту, нельзя прервать борьбу с потерями вод, как нельзя перестать сеять, жать, молотить. Хлебопашество и накопление плодородия должны идти вместе — вот образ мышления, какой насаждает в умах, пестует и охраняет секретарь райкома партии.

Задачам техническим тоже конца не видать. Склоны балок — слишком большая ценность, чтоб сбрасывать их со счетов. Раз в запрудах есть вода, можно превращать крутосклоны в поливной сенокос, в продуктивные плантации трав — и первые, прежде немыслимые, укосы клевера на скатах уже взяты. Чем быстрей засадить днища оврагов — ивой, кустарником или испробовать корни осины? Насколько перспективно луговодство на террасах? Да мало ли задач ставит природа в краю, где «все переворотилось и только укладывается»!

Сергей Тихонович теперь уже не только историк. У него основательные знания в агрономии и почвоведении. Он свой человек среди гидрологов и не боится поспорить с проектировщиком. Отношение к истории чуть изменилось: он создает ее. А учительское, повторяю, уцелело. Случайно услышанный разговор:

— Вот здесь, Сергей Тихонович, придется ель сажать — тенелюбивая порода...

— Неправда. Таких не бывает.

— То есть как? Елка-то? Да любую тень вынесет.

— Верно, значит, теневыносливая, так и называйте. А тень — кто же ее любит?

Можно завидовать тем, кто увидит этот уголок степной черноземной России на исходе века, когда только начнут входить в возраст сегодняшней посадки сосенки, дубки. К извечному Теллермановскому лесу, преграждавшему некогда пути хищной Орде, примкнут широкошумные дубравы, память о шестидесятых годах. Полней и спокойней станут Савала и Елань; гуще и пахучей станет разнотравье лугов — и хлеб будет не нашему чета: короткий, на упругой соломе, напоенный и выхоленный хлеб российских черноземов. Но хочется, чтоб тогда не дивился, оглядываясь, приезжий, как дивится ныне в Каменной степи, чтоб всюду полнокровной и яркой стала непорченая добрая земля.

◀ «Вьетнамским друзьям от советских людей» — грузы с такой надписью часто отправляются в далекий рейс к берегам героического Вьетнама.

▶ Искусственный спутник «Интеркосмос-4» — общее детище ученых социалистических стран. **На снимке:** ученые из ГДР и ЧССР осматривают приборы, установленные на спутнике.

Фотохроника ТАСС,
АДН — ТАСС.

Сила

Эрнст Отто ШВАБЕ,
главный редактор внешнеполитического еженедельника «Горизонт» (ГДР)

Лето нынешнего года было богато политическими событиями, наложившими свой отпечаток на все международное развитие. Достаточно вспомнить лишь, что летом в Москве был подписан договор между СССР и ФРГ, явившийся значительным вкладом в дело обеспечения европейской безопасности. Здесь же проходило заседание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора и многое, многое другое.

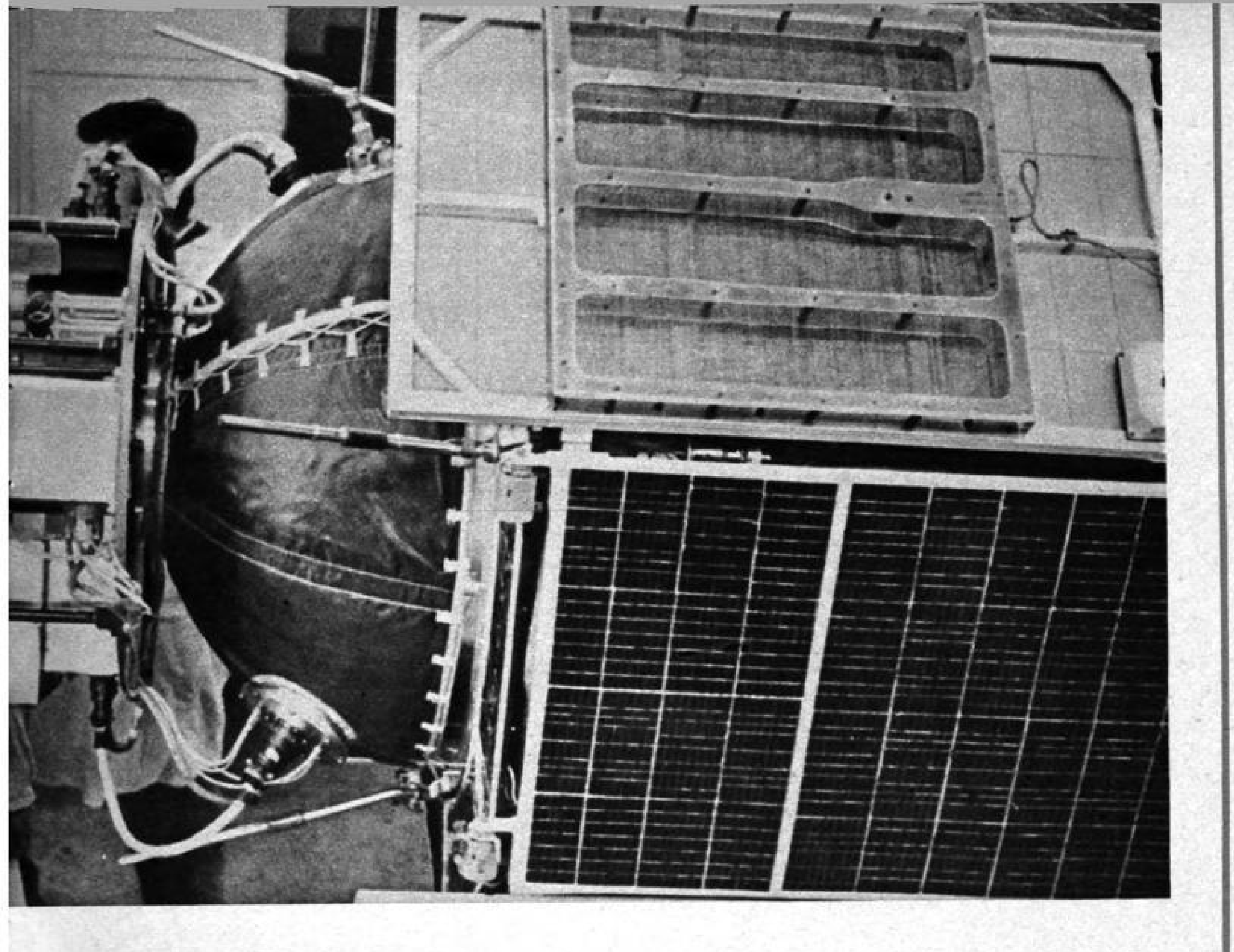
Случайно ли, что крупные политические события минувшего лета связаны с Москвой и Советским Союзом? Лишь наивные люди могли бы увидеть здесь волю случая. Для нас, марксистов-ленинцев, эта «случайность» являет собой выражение закономерного развития: ведь именно Советский Союз — оплот стран социализма, всех прогрессивных миролюбивых сил мира — все в большей мере определяет основные направления мирового развития. Советский Союз стал для многих миллионов людей примером последовательной мирной политики и самоотверженной интернационалистской помощи.

«Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах»,— писал Владимир Ильич Ленин.

Коммунистическая партия Советского Союза — самое сильное и опытное звено в цепи международного коммунистического и рабочего движения — всегда придерживалась этого ленинского тезиса, оказывая свою бескорыстную моральную и материальную помощь революционным силам во многих частях света.

Эта конкретная помощь тем более значительна — словами вряд ли можно выразить все ее величие,— что советский народ ценой невероятных лишений построил социализм в одной из ранее отсталых стран и из-за происков империалистов, прежде всего из-за агрессии гитлеровской Германии, вынужден был прерывать свое мирное строительство.

Немецкие коммунисты всегда рассматривали братский союз с КПСС в качестве краеугольного камня своей политической деятельности, начиная с развертывания широкого движения солидарности под лозунгом «Руки прочь от Со-

ЕДИНСТВА

ветской России» после семнадцатого года и многочисленных акций в поддержку СССР даже в период фашизма и кончая лозунгом «Учиться у СССР — значит учиться побеждать», выдвинутого после освобождения страны от фашизма. Сегодня братский союз с СССР закреплен конституцией Германской Демократической Республики, и Общество германо-советской дружбы является после профсоюзов самой массовой организацией нашей республики. На основе общности государственного устройства и политических целей между СССР и ГДР развились многосторонние связи во всех областях общественной жизни. Подписанный 13 августа 1970 года в Москве протокол по координации народнохозяйственных планов СССР и ГДР на 1971—1975 годы еще больше укрепит экономические связи обоих государств.

За прошедшие годы наша страна благодаря последовательному осуществлению намеченной СЕПГ линии и широкому использованию советского опыта превратилась в государство с таким уровнем развития, который дает возможность в рамках СЭВ успешно и взаимовыгодно сотрудничать с Советским Союзом при решении многочисленных проблем научно-технической революции.

В Западной Германии вновь и вновь раздаются голоса, «искренне советующие» нам не связывать нашу экономику «слишком тесно» с советской. Для ГДР имеет якобы больше смысла главным образом ориентироваться на рынки промышленно развитых капиталистических государств и т. д. «Искренность» этих «советов» более чем сомнительна.

Наша страна стремится к тесному сотрудничеству с СССР для того, чтобы, исходя из общности классовой позиции, сделать все возможное для укрепления социализма как системы, которой принадлежит будущее. Иными словами, для ГДР союз с СССР — основное требование политики, вытекающее из марксистско-ленинского мировоззрения.

По нашему мнению, не может быть для марксистов-ленинцев иного подхода к отношениям с Советским Союзом. Он был, есть и будет первой страной социализма. Отношение к СССР и КПСС было, есть и будет пробным камнем для каждого революционера.

Эта правда марксизма-ленинизма, нашедшая свое отражение во многих документах международного коммунистического и рабочего движения, никогда не нравилась защитникам международного монополистического капитала. Он всегда подвергал ее многочисленным нападкам, используя весь свой мощный аппарат по обработке общественного мнения. Не стоит ли призадуматься над этим тем, кто считает, что добьется более легкого успеха, если, «чуть-чуть» поддавшись антисоветскому нажиму империализма в том или ином вопросе, уступит лишь на «самую малость».

Именно события прошедшего лета вновь доказали, что успех сил, борющихся за мир и прогресс, обеспечивают отнюдь не беспринципные уступки, а гибкая тактика в отстаивании принципиальных позиций плюс единство действий. И если ФРГ подписала в Москве договор, как того в течение многих лет требовали в интересах сохранения статус-кво в Европе социалистические страны, то одна из причин в том, что определенные круги осознали, что их надежды на «ослабление» социалистического содружества социалистических стран и изменение границ в Европе не оправдались.

Да, этим летом идея обеспечения европейской безопасности нашла на Западе новых приверженцев и стала реальной задачей. И это произошло лишь потому, что социалистические страны, прежде всего Советский Союз, в тесном сотрудничестве со всеми политическими силами нашего континента, выступающими за мир и разрядку напряженности, явились неуклонными поборниками этой идеи, творчески обогащали ее, исходя из принципиальных позиций, и не позволили империалистическим силам ввести себя в заблуждение.

Идея обеспечения европейской безопасности, как и многие другие полезные инициативы наших дней, направленные на решение актуальных политических проблем, неразрывно связана с Советским Союзом. Опять «случайность»? Нет! Речь вновь идет о закономерности. Предначертанный Лениным внешнеполитический курс КПСС и СССР отличается тем, что партия берется за назревшие проблемы в интересах мира и общественного прогресса и указывает пути к их решению. И отличительная черта внешней политики КПСС в том, что она борется за решение этих проблем с невиданной настойчивостью, используя весь огромный авторитет первого в мире социалистического государства. Друзья Советского Союза умеют ценить эту отличительную черту, а враги боятся ее.

Ясный внешнеполитический курс КПСС и СССР — это вместе с тем и курс всего социалистического содружества. Его поддерживают марксистско-ленинские силы во всем мире, десятки миллионов борцов против империализма на всех континентах. Для успешного проведения этого курса в интересах мира, демократии и социализма и преодоления яростного сопротивления империалистов необходимы совместные усилия. Опыт учит, что политические выступления социалистических стран, всех прогрессивных сил мира будут тем успешнее, чем теснее они сплотятся вокруг Советского Союза. Единство действий — залог успеха.

ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

...Перехватили мы его в Подольске, в день первого снегопада. Болгарскому журналисту Христо Родопскому, корреспонденту газеты «Отечествен фронт», оставалось до Москвы два перехода. Позади лежали пять тысяч километров пешего пути. Вышел он из Софии третьего марта, в день, когда вся Болгария отмечала праздник Освобождения.

А завершил Христо Родопский свое путешествие, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в канун Октябрьских праздников на Красной площади в Москве, у Мавзолея Ленина.

Еще в Подольске, после первых шумных и веселых минут встречи — вместе со мной туда приехали его друзья, два болгарских журналиста,— я взял это интервью у своего коллеги-журналиста.

— По какому маршруту вы двигались?

— Я вышел из Софии, прошел через Шипку, Габрово, Русе. Потом «форсировал» Дунай у Измаила. Далее Одесса, Херсон, Каховка, Крым, Северный берег Азовского моря, Ростов, Цимлянск, станица Вешенская, Воронеж, Орел, Тула... Это, так сказать, узловые пункты, потому что заходил я во множество городов и сел. За эти месяцы у меня были тысячи встреч с советскими людьми...

— Какие встречи оказались для вас наиболее памятными?

— Самыми волнующими встречами были встречи с писателями Михаилом Шолоховым и Виталием Закруткиным, с космонавтом Германом Титовым, с героем Сталинграда генералом Людниковым. С ним мы встретились в селе Седово, на Азовском море, родном селе великого русского путешественника Георгия Седова, которое, я, конечно, не мог обойти стороной. Людников три года проработал в Болгарии, и о ней мы говорили с ним так много, что потом несколько дней у меня был приступ ностальгии. В Цимлянске мне сказали, что Шолохов собирается скоро уезжать, и если я хочу с ним встретиться, то мне следует поторопиться. Пришлось сделать несколько суворовских марш-бросков. За пять дней я прошагал более трехсот километров. Тут я поставил свой рекорд — за день шестьдесят восемь километров. В станицу Вешенскую я, правда, вошел прихрамывая, но был очень счастлив, застав Михаила Александровича дома. Встретил он меня радушно, много расспрашивал о Болгарии, о наших писателях, рассказывал о работе над книгой «Они сражались за родину» и подарил мне книгу «Слово о Родине» со своим автографом. Я вручил ему охотничий нож, который сделали для него рабочие из Габрово. Этот город у нас называют центром мирового юмора, и, зная об этом, Шолохов написал для габровцев на своей фотографии такие слова: «Рабочим из Габрово, самым остроумным и веселым представителям его величества рабочего класса».

— Что же у вас была за обувь, которая выдержала подобный маршрут?

Христо с улыбкой посмотрел на свои туристские ботинки и сказал:

— Это первые и шестые. В них я шел от Софии до Одессы и теперь войду в Москву. А за лето износил «одесситки», «крымчанки», «ростовчанки» и «вешенки». Помогала мне в пути палка, которую я сделал из кизила. Это — самое крепкое дерево. Оно первым цветет весной и последним дает плоды осенью. Оно редко засыхает и считается у нас символом жизнестойкости. Поэтому и обычай есть в Болгарии: на новый год все хлопают друг друга по спине кизиловой веткой...

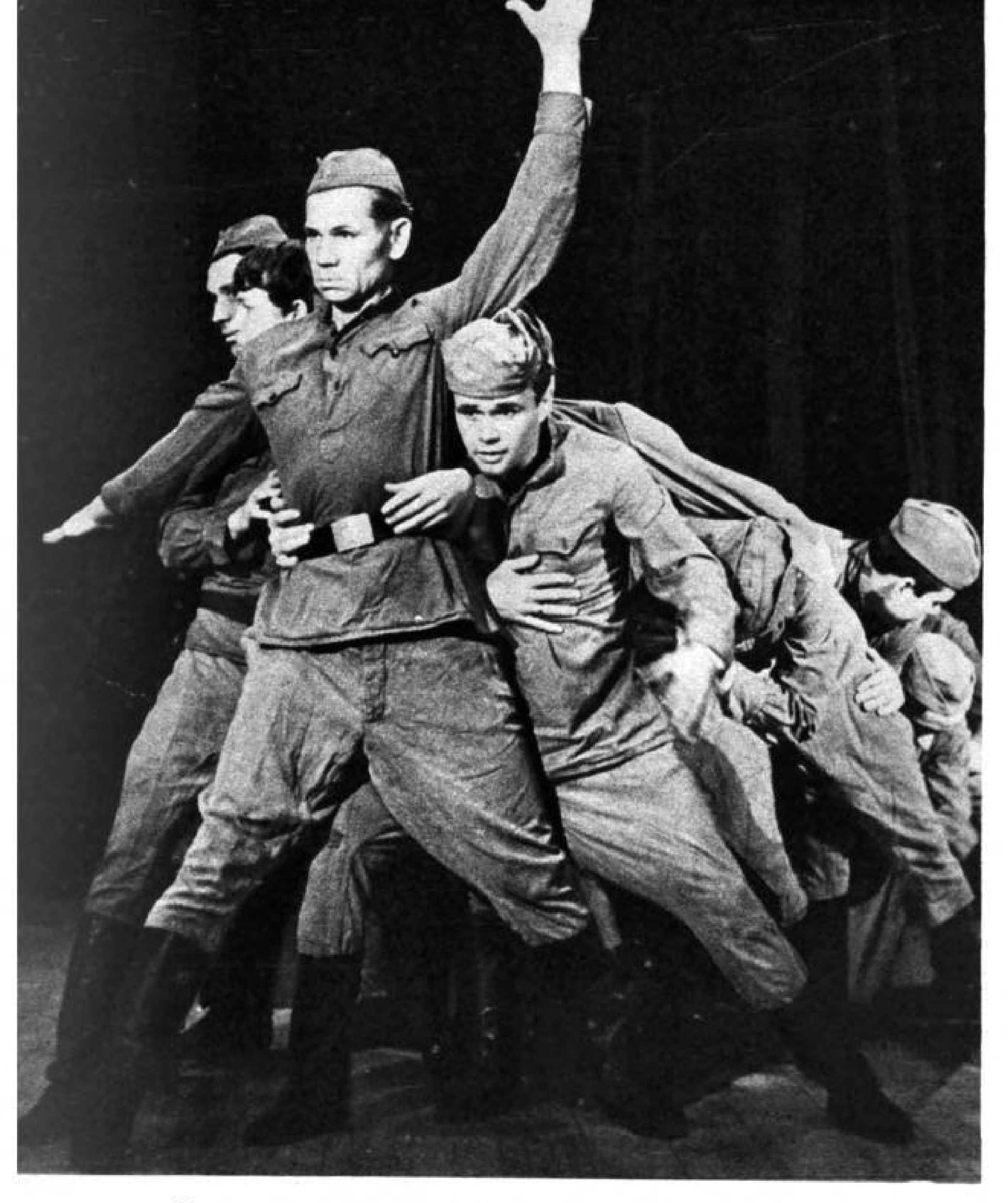
Уже в Москве, на Красной площади, Христо Родопский, передавая московским пионерам письмо от пионеров болгарского города Русе, города, где Христо, тогда четырнадцатилетний юноша, напечатал свой первый рассказ, он подарил ребятам и эту свою дорожную палку.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Москва. Красная площадь. 4 ноября 1970 года. Финиш.

Выступает хореографический коллектив Дома культуры Солнечногорского завода имени Лепсе.

Фото К. Каспиева.

ТВОРЧЕСКОЕ ПОДМОСКОВЬЕ

Корреспондент «Огонька» обратился к А. В. Гоголеву, секретарю Московского областного комитета КПСС, с просьбой поделиться мыслями о работе лучших коллективов народного творчества, имеющихся в Московской области, о содержании и направлении этой работы в дни, когда подводятся итоги юбилейного ленинского года и развернулась подготовка к встрече XXIV съезда КПСС.

А. ГОГОЛЕВ,
секретарь Московского обкома КПСС

Задумываясь над интереснейшей, многообразной деятельностью коллективов народного творчества, видишь необходимость подвести какие-то наиболее существенные итоги. Прежде всего итоги духовные, нравственные...

Строительством души нового, коммунистического человека, вдохновенно выражающего свою творческую суть в труде и искусстве, свою любовь к Родине и народу, к свободе, завоеванной в великой борьбе, назвал бы я главное содержание и направление деятельности лучших самодеятельных коллективов городов и сел Московской области.

Работая в неразрывной связи с партийными и комсомольскими организациями, они умело направляют в творческое русло постоянно растущий поток народной энергии и инициативы, добиваясь еще большего развития человеческих возможностей, талантов.

Требовательно, без всяких скидок оцениваем мы эту работу, когда подводим итоги ленинского юбилейного года и готовимся к встрече XXIV съезда партии в новом, 1971 году. Но как бы ни были велики эти требования, трудящиеся области справедливо дают весьма высокую оценку многим коллективам, многим замечательным людям — и руководителям клубов, Домов и Дворцов культуры и участникам художественной самодеятельности. Все они неустанно перестраивают свою жизнь, свой духовный мир под знаком ленинского понимания культуры, ее роли в коммунистическом строительстве.

По мысли Ленина, коммунизм и культура неразрывны. И только народ, воодушевленный Октябрьской революцией, великими идеями коммунизма, мог выполнить сложнейшие, прямо-таки титанические задачи культурного строительства, которое приходилось начинать, что называется, с самых азов.

Большевиков, идущих за Лениным, это не останавливало и не пугало.

Владимир Ильич говорил: **«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а ПОТОМ уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».**

Диву даешься, оглядываясь на то, какими семимильными шагами пошла вперед на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя Россия, когда эти обязательные предпосылки высокой культуры народа были завоеваны революционным путем.

Такими же гигантскими шагами двинулась по пути культурной революции бывшая Московская губерния.

Достаточно сказать, что здесь в прошлом из десяти человек взрослого населения восемь были неграмотны. Нынешний подмосковный город Ступино, один из красивейших, благоустроенных районных центров Московской области, когда-то был глухой деревней. Как сообщалось в «Известиях Московской губернской управы», в ноябре 1912 года в этой деревне «все взрослое население поголовно неграмотно. Неграмотный даже староста».

По мнению выходившего до революции журнала «Вестник воспитания», Российскому государству потребовалось бы ни много ни мало 280 лет для того, чтобы достичь всеобщей грамотности населения!

Вот как грубо ошибались буржуазные «прогнозисты», основывавшие свои расчеты, с одной стороны, на реальном, весьма безрадостном положении вещей, а с другой стороны,— на полном неверии в народ, в его духовную силу, в его великие нравственные и творческие возможности. Именно эти могучие силы народа партия большевиков и направила в поход за культурную революцию.

Осуществляя ленинские указания, коммунисты Московской партийной организации уже в первые годы Советской власти — годы труднейшие! — активно помогали народу ликвидировать неграмотность, браться за книги...

Эти первые свои азы, первые книги народ осваивал в жестоких условиях. Осваивал в то самое время, когда на молодую Советскую республику со всех сторон шли враги. Когда у людей не было ни хлеба, ни одежды, ни керосина, ни топлива... И все равно открывавшиеся повсюду — в деревнях и поселках Московской области — клубы, красные уголки, библиотеки, избы-читальни, народные дома становились сначала штабами поистине всенародной борьбы с неграмотностью, а потом ставили перед собой и многие другие, более широкие задачи культурного роста и просвещения масс.

7 ноября 1922 года — в ознаменование пятилетней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — рабочие и служащие подмосковной электростанции впервые открыли свой клуб. И тогда же Владимир Ильич обратился к ним с письмом, где говорилось: **«...с особенным удовольствием приветствую открытие вашего клуба и выражаю надежду, что вы, рабочие и служащие государственной электрической станции «Электропередача», совместными усилиями сумеете превратить этот клуб в одну из важнейших позиций для просвещения рабочих».**

Тут, в этих именно ленинских словах, заложена для нас и сегодняшняя, нестареющая боевая программа действий.

Превратить каждый клуб, каждый городской и сельский Дом культуры в важнейший опорный пункт борьбы за народное просвещение, повысить их роль в политическом и эстетическом воспитании масс — вот позиции, которые мы последовательно занимаем, чтобы еще дальше и еще глубже расширять фронт культурной революции, завоевывая и обогащая человеческие души.

Именно с этих позиций мы и рассматриваем работу 2 129 клубов, Домов и Дворцов культуры, имеющихся сейчас в Московской области.

Сейчас, накануне XXIV съезда КПСС, в клубах, Домах и Дворцах культуры организуют Ленинские чтения, устные журналы, занятия народных университетов культуры и кинолекториев, чествование рабочих династий и ветеранов труда, торжественные посвящения в рабочий класс и хлеборобы, подведение итогов социалистического соревнования... Да, пожалуй, не перечесть всех полезных и интересных форм работы, неразрывно

Ю. Пименов (Москва). ДОРОГИ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А. Папикян (Москва). КАРИК РИСУЕТ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

связанных с конкретными задачами современности.

Самое же характерное для инициативы масс, разбуженной и поднятой к действию, является, на мой взгляд, то, что она опирается на реальную практику жизни народа, исходит из конкретных и потому всегда убедительных фактов великих достижений социалистического строя.

* * *

Высокий уровень сознательности, высокий уровень культуры и просвещения — вот что воочию видишь сегодня, когда на все более требовательных смотрах и фестивалях один за другим проходят подмосковные коллективы народного творчества — и те, что существуют уже много лет, и совсем молодые, только недавно родившиеся.

О каждом из них есть что сказать. И каждому из них народ говорит сегодня свое великое спасибо! Ибо все они — и те, что стали уже лауреатами, достигнув почти профессионального мастерства, и те, что впервые, еще с робостью, выходят на сцены клубов и домов культуры,— заслуживают великого уважения и признательности за свой благородный труд...

Искусство, говорит Владимир Ильич, принадлежит народу.

Искусство, понятное и любимое народом, пробуждает в душе его ответное — высокое и заразительное чувство художника, созидателя, творца... Отсюда, несомненно, и рождается поражающий воображение взлет народной творческой мысли, непрерывный рост народных талантов, которые обретают себя, свое своеобразие рядом с другими народными талантами, в тесном товарищеском содружестве с ними...

Конечно, вглядываясь в эти судьбы, видишь, что ни одна из них так же не похожа на другую, как не похожи один на другой сами коллективы. У каждого свои особенности, свой творческий почерк, свои поиски... А в то же время их роднят и сплачивают общие принципы и общие взгляды, общее чувство долга.

Вот, к примеру, многократный лауреат всевозможных творческих соревнований, один из старейших коллективов Подмосковья — Истринский народный ансамбль песни и танца... Еще до войны начал вести в Истре спевки небольшой группы студент-гнесинец Владимир Ширшов. Шло время, рос хор.

Артисты народного театра «Романтик» Люберецкого Дворца культуры Николай Максин и Людмила Подгорная в спектакле «Недоросль».

И уже несколько поколений молодежи сменилось за эти годы в составе ансамбля. Сейчас у заслуженного работника культуры В. А. Ширшова занимаются уже внуки тех, кто вместе с ним начинал создавать творческий коллектив, чья слава сегодня разнеслась далеко за пределами Московской области.

Где только не побывали истринцы! Литва и Украина, Ростовская область и Краснодарский край... Прочная дружба установилась у истринцев с эстонским хором «Каннель» города Выру. Оба коллектива проявляют хороший творческий интерес друг к другу, поддерживают переписку, обмениваются опытом.

Но самое интересное у истринцев — их серьезная лабораторная работа по созданию новых песен. В. А. Ширшов известен как неутомимый собиратель старинных русских мелодий; он создает также и новые советские песни на слова современных поэтов.

При Люберецком Дворце культуры работают три лектория, народный университет культуры, около двадцати коллективов художественной самодеятельности. Театр «Романтик», симфонический и эстрадный оркестры, танцевальный коллектив получили звание народных; теперь здесь собираются создать народную филармонию — все возможности для этого в Люберцах налицо.

Люберецкие коллективы отличаются тяготением к серьезному и содержательному репертуару. Скажем, в программе хорового коллектива Патетическая оратория Г. Свиридова на текст Владимира Маяковского. К двухсотлетию со дня рождения Бетховена здесь уже готовят широкую программу. Театр «Романтик» играет «Недоросля» Фонвизина, «Что тот солдат, что этот» Брехта... Недавно поставлен здесь новый спектакль: «Это было в сердце моем» по В. Маяковскому. Сценарий создал художественный руководитель театра С. К. Кузьмин. Выступления театра всегда отличаются творческим вдохновением и гражданским пафосом. Каждый здесь заботится об успехе всех.

Именно такое правило является основой творческого существования народного хореографического коллектива, работающего в Доме культуры при заводе имени Лепсе города Солнечногорска.

Один из параграфов устава, выработанного и принятого к неукоснительному исполнению всеми участниками, гласит: «Хореографическое искусство — коллективное искусство. Успех коллектива зависит от состояния творческой дружбы его участников; интересы коллектива должны быть всегда выше личных интересов».

Думается, это хорошие и верные слова! И они вполне могут быть отнесены к каждому вообще творческому коллективу, к обстоятельствам жизни всех его участников. Недаром же для всех руководителей творческих коллективов Московской области была устроена лекция художественного руководителя Солнечногорского народного хореографического коллектива А. А. Малинина. Это человек большой энергии, талантливый балетмейстер, способный организатор и вдумчивый педагог. Рассказывая о жизни и работе своих танцоров, Алексей Александрович Малинин, между прочим, сказал, что руководимый им коллектив ныне планирует свою творческую деятельность уже не на один год вперед. «1975 год еще не скоро, а мы уже прикидываем, кто будет танцевать «Солнечногорскую молодежную», а кто «Подмосковные хороводы»; кто сможет исполнить роль Клочкова в «Поэме о панфиловцах»...

Здесь имеют на любой танец по два, а то и больше хорошо подготовленных состава; новую смену готовят постепенно, исподволь. Коллектив может гордиться тем, что такие слова, как «ревность», «зависть», «эгоизм», «премьерство», вовсе изъяты из лексикона! И любой солист волнуется: не выступил бы его дублер хуже самого солиста.

А ведь солнечногорцы не представляют собою исключения. По тем же — писаным или неписаным — уставам идет жизнь, скажем, в коллективе «Ленок» Волоколамского районного Дома культуры, чьи танцевальные произведения также отличаются самобытностью и высокой гражданственностью. На вечера, которые устраивает «Ленок», попасть бывает не так-то просто.

Большую и плодотворную работу по музыкальному воспитанию молодежи ведет хоровая капелла «Комсомолия» при Дворце культуры Ореховского хлопчатобумажного комбината. Пользующаяся широким признанием молодежная капелла постоянно выезжает с концертами в подмосковные города и села, с успехом выступает она и в Москве. «Комсомолией» бессменно руководит дирижер-хормейстер Ядвига Леоновна Морозова.

Народный театр Орехово-Зуевского Дворца культуры, существующий уже десять лет, является спутником МХАТа. Этим, кстати, и объясняется высокая исполнительская культура, интерес к русской и советской классике. Здесь ставят «Женитьбу» Гоголя, «Егора Булычова» Горького, «На бойком месте» Островского... Руководит театром все эти годы Юрий Леонидович Гринев, энтузиаст своего дела, пробудивший в участниках самодеятельности не только любовь к искусству, но и понимание своего долга перед обществом...

Не одни лишь города Подмосковья могут сегодня гордиться своими творческими достижениями. Их добились также и многие подмосковные села.

Например, в Большегрызловском совхозе, Серпуховского района, сельским Домом культуры заведует комсомолка Татьяна Шаталина, она же секретарь совхозной комсомольской организации.

Энергичная и способная, эта девушка добилась того, что в клубе у нее никогда не бывает пусто, никогда не бывает скучно... Девиз здешнего клуба и комсомольской организации: «Ни одного человека вне сферы влияния!». Поэтому-то клуб села Большое Грызлово, как и многие другие сельские клубы, стал поистине вторым домом сельской молодежи. Таким домом, в котором всегда интересно, который любят, влияние которого оказывается благотворным: расширяя кругозор молодежи, он обогащает ее духовно, обращает ее внимание на большие, хорошие дела. А как популярен недавно созданный русский народный хор совхоза «Заря коммунизма»! Популярен и у себя в районе и во всей области.

Молодой коллектив получил звание лауреата областного фестиваля, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Участники хора — доярки, механизаторы, птичницы, строители. В репертуаре этого коллектива широко представлено народное песенное богатство; исполнение отличается ярким национальным характером. Интересную программу готовит хор к XXIV съезду КПСС, в центре которой — театрализованная музыкальная композиция «Зорянка», рассказывающая о совхозе и его людях.

Большая творческая дружба у хоровых коллективов с композиторами Георгием Гранкиным, Леонидом Дмитриевым, Виктором Литвиновым.

А какими радостными бывают встречи зрителей с хоровой капеллой завода имени Калинина в городе Подольске, встречи с народным театром Мытищинского машиностроительного завода; с музыкально-драматическим коллективом Дома культуры имени Воровского в Раменском, с эстрадными оркестрами в Химках, Электростали, Ступине, Коломне...

* * *

Подмосковные коллективы народного творчества объединяют в общей сложности более полумиллиона человек. Это целая армия.

Да так оно и есть!

Каждый участник художественной самодеятельности, если он не просто числится в списках, а уже прочно врос в нее своими душевными корнями,— настоящий боец фронта культурной революции, человек высокой коммунистической идейности...

Люди, связанные с народным творчеством, отдают себя нашему обществу целиком, без остатка. Днем они на работе, вечер у них занят репетициями или выступлениями. И вот что интересно: эти, как говорится, с головой поглощенные делом, бесконечно занятые люди именно и проявляют себя как сильные, всесторонне развитые творческие личности. Они вырастают как таланты, которые под стать профессиональному искусству.

Этим-то, думается, больше всего и привлекают коллективы народного творчества, ярчайшее и неповторимое порождение нашего социалистического строя, нашей культурной революции.

В самом деле, получая высокое нравственное удовлетворение в искусстве народного танца, песни, музыки, театра, участники художественной самодеятельности сначала выражают только лишь свою собственную человеческую активность, но постепенно она все больше обретает гражданский, социальный, общественно-политический характер.

Человек в творческом коллективе, порой незаметно даже для себя самого, приучается быть необходимым. Теперь он овладевает искусством уже не только ради самого себя, но и ради окружающих, ради общества, ради своего народа.

Отсюда в лучших коллективах Подмосковья и возникают непередаваемая радость и окрыленность, тот духовный подъем, который сплачивает эти коллективы. А их участников делает активнейшими и сознательными бойцами единого фронта, вооруженными высоким гражданским пониманием истинно прекрасного в жизни, пониманием предстоящих задач.

Это и есть важнейшая позиция, завоеванная Коммунистической партией в деле развития и просвещения тружеников города и села.

Альберт обретает лицо

ПОВЕСТЬ

Д. С. СТРЭЙНДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Анри возвратился к себе на Монмартр, но после получасового беспокойного блуждания от кровати к окну и обратно снова вышел из дому.

Сразу же за углом находилось крохотное кафе с тремя столиками на тротуаре, принадлежавшее матушке Муш. Она выслушала и похоронила в своей внушительной груди столько исповедей влюбленных, что с первого взгляда определяла, горюет ли человек от неудачной любви или из-за отсутствия денег. Матушка Муш принесла коньяк и поставила его перед Анри с видом женщины, которая, многое познав, пришла к выводу, что и любовь и даже деньги — все имеет преходящую ценность. За долгую жизнь (а прожила она без малого семьдесят) мамаша Муш поняла, что подлинным несчастьем является только боль в распухших ногах, особенно в конце дня, когда обслужишь всех, кто ищет утоления своих печалей.

Мамаша Муш с ехидством посматривала на Анри.

— Так что, на нее не подействовали твои длинные ресницы?

Анри отпил маленький глоток вина.

— К сожалению, совсем нет.

— Ну, в море есть и другая рыбка.

Анри посмотрел на бледно-золотистое вино в рюмке. «Другой Марселлы нет и не будет»,— подумал он сквозь сумятицу мыслей и почувствовал укол боли.

Мамаша Муш презрительно фыркнула.

— Такой сильный парень, да к тому же совсем недурной! Ты мог бы полюбить или Жанну, или Марго, или Клару, так нет, подавай ему Франсуазу, и точка. Знаю я вас! Все вы, поэты, одинаковы.— Слово «поэты» прозвучало у нее как брань.

Анри улыбнулся.

— Да я вовсе не поэт, мадам.

— Ну, художники, поэты, музыканты — какая разница? Все они сумасшедшие!

Анри взглянул на нее — приземистую, толстую, с шеей в складках и лицом в многочисленных морщинах, с которого смотрели острые, проницательные глаза, полные мудрости и доброты.

— Разве вы никогда не любили, мадам?

Она пожала плечами.

— Любила много раз, но в конце концов все сводится к одному: скука для него, страдания для нее. Ну, а потом забывается и то и другое.

Анри отодвинул рюмку, положил на столик деньги и поднялся.

— Как, ты не хочешь допить коньяк?

— Сегодня нет. До свидания, мадам.

Она провожала его взглядом, пока он не свернул за угол.

— Да, это у него серьезно,— пробормотала она, покачав огромной головой.— Слава богу, ушла моя молодость...

Анри миновал несколько кварталов и оказался на террасе, откуда открывался вид на расположенный далеко внизу город. Облокотившись на перила, он медленно обвел взглядом Париж. Как красив этот город, раскинувшийся в чаше из низких холмов, обрамляющих долину Сены! Далеко над крышами домов виднелся Собор Парижской богоматери, выхваченный из ночи лучами прожекторов. Рядом проходила улица Жана Беллэ. Кем бы он ни был и кем бы ни стал, всеми своими корнями он уходил в почву этого города. Здесь была его родина, здесь протекала его жизнь, здесь он познал дружбу, семейные узы, любовь и самую большую радость в жизни... «Не надо об этом думать, не надо вспоминать. Между нами все кончено». Однако на деле получалось иначе. В «Доброй хозяйке» все началось снова. Что произошло с радостью, которую они познали? В чем состояла ошибка?

Зимой и весной 1944 года им приходилось часто покидать маленькую квартирку в Отее — как раз накануне ареста, опять и опять ускользать от гестапо. Как-то в течение двух недель они жили рядом с домом, где расположились немецкие офицеры; вероятно, Анри и Марселлу спасла их дерзость, немцам и в голову не приходило искать их рядом с собой. Часто они останавливались в каком-нибудь месте лишь на ночь-другую — в дешевенькой гостинице, владелец которой помогал Сопротивлению, или в доме друга, где они не осмеливались задерживаться, чтобы не рисковать его безопасностью. Все это время Анри и Марселла вели работу, которой не было ни конца, ни края. Они уже знали о предстоящей высадке, и Анри с Женэ трудились день и ночь, разрабатывая диверсии на железных дорогах и взрывы мостов, координируя деятельность и планы различных организаций и групп Сопротивления, которым предстояло действовать в немецком тылу сразу же после высадки союзников.

И тем не менее Анри вспоминал ту весну как волшебное время. На память ему приходили разные мелочи: вот они, урвав немного времени, бегут в Лувр и, взявшись за руки, как обычная влюбленная парочка, пересекают внутренний дворик дворца; вот они останавливаются, чтобы послушать, как поет под дождем черный дрозд; вот они вдыхают запах цветущих каштанов и рододендронов на Елисейских полях, распустившихся только для них и только для того, чтобы во всеуслышание заявить, что войны все же кончаются, а любовь никогда. И везде и всюду с Анри была Марселла, сама прекраснее любого цветка.

И вот наступил долгожданный день, от радости и надежды содрогнулись, казалось, даже камни мостовой; это был день, когда люди наконец-то осмелились прямо смотреть на мрачные, искаженные яростью и страхом лица немцев. И не только смотреть, но и улыбаться, хотя ненавистный враг, словно корчившаяся в предсмертных судорогах змея, жалил все больнее. В июне и июле в городе начались повальные аресты, и цена за голову «Жана Легро» была повышена до миллиона франков.

В начале лета Анри и Марселла проживали в квартире около арки Майло близ Булонского леса. Это была очаровательная квартирка, пожалуй, самая уютная из тех, в которых им доводилось жить. И тем не менее теперь Анри вспоминал о ней с ужасом, ибо именно здесь начались странные события. Он до сих пор не понимал, когда и как все возникло. До определенного дня даже тень сомнения не отравляла их любви, а на следующий день Анри уже не сомневался, что Марселла обманывает его с другим. Он не мог сказать, когда у него появилось подозрение. Безусловно, не в тот день, когда он застал ее сжигающей какое-то письмо,— в те дни письма всегда сжигались. Однако она на мгновение изменилась в лице, когда увидела его. Это произошло и не в тот вечер, когда она поздно вернулась и слишком многословно принялась объяснять причину опоздания, хотя тогда никто не извинялся и не давал объяснений. Его поразила вспышка злобы, которую вызвали в ней его вопросы.

Позднее, пытаясь понять случившееся, Анри вспомнил, что Марселла часто заговаривала об американцах, чьи войска находились уже на подступах к Парижу. Она проявляла прямо-таки невероятное любопытство, расспрашивала, правда ли, что все они богаты, щедры, красивы. Вообще-то у Анри не было никаких оснований даже для догадок. Он никогда не видел ее с другими мужчинами. В те годы люди не вели так называемый светский образ жизни, знали только свою работу, о которой предпочитали не говорить даже с близкими.

В течение нескольких недель движение Сопротивления тайно перебрасывало в Париж оружие, похищенное у немцев или сброшенное союзниками на парашютах. Под руководством Анри группа тщательно отобранных патриотов прятала оружие в подвале одного дома, недалеко от арки Майло; предполагалось, что, как только союзнические армии подойдут к городу, вспыхнет восстание и парижане начнут обстреливать оккупантов с крыш, из окон домов, из-за баррикад.

Об операции знали только шесть вполне надежных, не раз подвергавшихся суровым испытаниям человек. Пятнадцатого августа Анри снова пробрался в Париж, чтобы окончательно уточнить план взаимодействия организаций Сопротивления с наступающими союзническими армиями. В ночь на шестнадцатое в доме около арки Майло должны были встретиться тридцать четыре руководителя парижских организаций Сопротивления — получить последние указания и оружие. Но кто-то их предал. Гитлеровцы схватили патриотов, под усиленной охраной привезли в Булонский лес и расстреляли. Спаслись только Анри и еще один человек: направляясь к месту встречи, они наткнулись на немецкий патруль, некоторое время пережидали в одной из укромных улочек, а когда добрались до арки Майло, там все было кончено. Прячась на опушке леса, цепенея от бессильной ярости и ужаса, они слышали выстрелы, под которыми гибли их друзья.

После ухода солдат они пробрались к месту расстрела. То, что они увидели, едва не свело их с ума. Повсюду кровь, трупы... Один из расстрелянных — юноша, почти мальчик — еще дышал и умер на руках Анри.

Он не мог забыть той ночи и наступившего за ней дня. К его мучительным переживаниям добавилось еще и личное горе: именно в то время он окончательно расстался с Марселлой. Несомненно, Марселла уже давно решила бросить его и ждала лишь предлога.

В ту ночь, как только окончился комендантский час, Анри с невероятными предосторожностями, кружным путем по затихшим в тревоге улицам вернулся к себе на квартиру. Сведения о трагедии в Булонском лесу с быстротой степного пожара распространились по городу, и на суровых, застывших лицах редких прохожих он читал гнев.

Думая о Марселле, Анри ощущал огромную тяжесть. Переживала ли она муки страха за него, не зная, куда он ушел и почему не вернулся вовремя? Она, несомненно, слышала о массовом расстреле и догадалась, какое поручение ему предстояло выполнить. Возможно, устав от его ревности и подозрений, она испытывала лишь облегчение? Во всяком случае, сейчас, только взглянув ей в лицо, он узнает все раз и навсегда.

Анри открыл дверь и бесшумно вошел в квартиру. Сразу же за маленькой прихожей находились гостиная и спальня. Из прихожей он мог видеть неубранную постель, старый чемодан Марселлы со сложенными в него вещами, но еще не закрытый, и рядом ее костюм. Ну да, конечно, им придется немедленно скрыться, затеряться в огромном городе. На мгновение он прислонился к стене, опасаясь пошевелиться и охваченный такой невероятной усталостью, что сейчас ему хотелось только одного: лечь и спать, спать... А там будь что будет. С трудом овладев собой, он подошел к Марселле.

В старом, выцветшем пеньюаре она сидела перед туалетным столиком, вдевала сережки и, поворачивая голову из стороны в сторону, улыбалась, как обычно делают женщины, примеряя новую шляпку или любуясь в зеркале новой прической. Он и сейчас помнил выражение ее лица и какую-то особенную грацию в повороте головы. Но еще более отчетливо Анри помнил, как сверкали камни сережек в ее ушах.

Он не мог сказать, сколько простоял так, не сводя с нее глаз, пока наконец не заставил себя произнести ее имя:

— Марселла...

Она быстро повернулась и молча посмотрела на него. «Я был прав,— подумал он.— Она меня ненавидит.— Анри перевел взгляд на чемодан

Продолжение. См. №№ 43—45.

с уложенными вещами.— Если бы я сейчас не вернулся домой, она бы уехала».

Прислонясь к косяку, Анри рассказал, что произошло, как он устал, ошеломлен и потрясен. Теперь ему казалось, что поведение Марселлы не имеет для него никакого значения. Он вообще почти не видел ее и, кое-как добравшись до стула, в изнеможении сел.

— У нас есть кофе?

Марселла принесла кофе, и, несколько придя в себя, он заметил, что на ней уже нет сережек.

— Где они? — спросил он.— Куда ты их спрятала?

— Что спрятала? — Ничто не изменилось, не дрогнуло в ее лице.

— Сережки.

— Дорогой мой, ты сошел с ума! У меня нет никаких сережек.

— Не лги, Марселла.— Он схватил ее за руки.— Что ты с ними сделала?

Она поморщилась от боли и злости.

— Пусти, Анри! Мне больно.

Он оттолкнул ее и открыл ящик туалетного столика. Серьги лежали там. Это были красивые подвески отличной ювелирной работы с настоящими бриллиантами.

— Откуда они у тебя?

— Подарок,— сухо и хладнокровно ответила Марселла.

— Видимо, твой любовник богат.

— Он любит меня, не то что ты. Для тебя сначала дела, а потом уж я.

— Следовательно, теперь ты не отрицаешь этого? — спросил он.

— Зачем отрицать, если ты и так давно все знаешь?

— Верно.

Анри отвернулся и взглянул на открытый чемодан.

— Ты уходишь к нему? Ты собиралась уйти до того, как я вернусь? — Голос у него дрожал от гнева.

Марселла бросила на него насмешливый взгляд, но промолчала.

— Кто он?

— Неважно.— Она пожала плечами.— Пусть он будет хоть архангелом Гавриилом, разве ты будешь меньше его ненавидеть?

Анри так и не узнал имени. Они вновь ожесточенно, до исступления поссорились, он швырнул серьги на пол и ушел. Впервые после этого он увидел Марселлу в кафе на площади Пуа, где она ожидала своего американского мужа. Он думал, что забыл ее, но теперь ему предстояло пережить все заново.

Дрожа от холодного ночного воздуха, Анри повернул на Плас дю Тертр и устало поднялся в свою комнату на чердаке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весь следующий день Женэ провел в префектуре. Он приехал сюда в четыре часа утра и сразу же приступил к допросам. Дело в том, что полиции удалось арестовать некую Маргариту Лафабр — она же Мари Бессо,— любовницу Бергнера, начальника парижского управления гестапо во время оккупации. Она оказалась совершенно пьяной и сразу же созналась, что в свое время стенографировала показания арестованных патриотов, полученные под пытками в подвалах гестапо.

Вспоминая рассказ Лафабр, Женэ и сейчас еще испытывал приступы тошноты, хотя сама арестованная не проявляла ни малейших признаков раскаяния и описывала ужасные сцены чуть ли не со злорадством. Безусловно, она была безумна, но в определенном смысле все ее коллеги относились к той же категории. Безумной была вся система фашизма, освобождавшая в человеке самые низменные, самые скотские инстинкты. Именно Лафабр-Бессо ждала в готовности, с карандашом и блокнотом, пока Робера подвергали...

Нет, Женэ должен был сдерживаться, сохранять хладнокровие и полную ясность ума. «Но как я устал! — подумал он.— Как устал!» Однако он не мог передоверить первый допрос Брассару или даже следователю, который позже заставит арестованную слово в слово повторить все сказанное.

Женэ не сомневался, что женщина не знала, как Робер попал в это проклятое гестапо. Он убедился в этом после многих часов допроса... так же, как кое в чем другом.

Утром он собрал в своем кабинете всех задержанных по этому делу, учинил им тщательный допрос и устроил очные ставки. Как всегда в таких случаях, арестованные топили друг друга, рассчитывая своим усердием обеспечить благорасположение полиции. Самые низкие подонки, думал Женэ, с таким примитивным мышлением, что даже не сумели нажиться на своих преступлениях. Вот, к примеру, Вакулёр. Был когда-то детективом (правда, продажным), потом стал предателем, но все еще носит тот же самый жалкий, поношенный костюм (или похожий на него). Немало заработал предательством, но все спустил на бегах и скачках, и сейчас у него ничего не было. Или Маргарита Лафабр, теперь уже трезвая и трясущаяся от страха. От ее шелков и кружев ничего не осталось, сейчас она была грязным, неопрятным созданием в дешевом платьишке. Только что на очной ставке она обвиняла отвратительную семейную пару, а те, в свою очередь, обвиняли друг друга. Муж утверждал, что его жена играла на пианино в особняке гестапо на улице Листьев, чтобы музыкой заглушить стоны пытаемых.

С особым вниманием Женэ наблюдал за Сарьяком. Тот молча забился в угол, нервно кусал ногти и переводил взгляд с одного лица на другое. Накануне, когда его доставили в префектуру, казалось чудовищным, что такой человек появился в полиции, где обычно толпились мелкие жулики, проститутки и другие подонки большого города. Женэ не сомневался, что Сарьяк страшно напуган и готов во всем признаться.

Когда Женэ, сделав вид, что заканчивает, приказал увести арестованных, на лице Сарьяка появилось выражение глубочайшего облегчения. Женэ подождал, пока он оказался у двери, и резко крикнул:

— Сарьяку остаться!

Ювелира словно кто-то ударил: он дернул головой и покачнулся.

— Можете сесть,— разрешил Женэ, как только арестованных вывели.

Сарьяк посмотрел на стенографиста, сидевшего с тетрадкой за маленьким столиком, на стоявшего у закрытой двери Брассара и только потом на Женэ, который сидел за письменным столом. Он пытался собрать остатки своего достоинства.

— Это возмутительно, господин комиссар, держать меня с уголовниками... Это же унижение...

— Совершенно верно,— охотно согласился Женэ.— Возможно, мы смогли бы избавить вас от их общества, если бы вы согласились нам помочь. Мы ведь тоже люди. Мой коллега,— он кивком указал на Брассара,— уже ознакомился с вашим делом. Мы знаем о длительной болезни вашей супруги. У вас шестеро детей?

— Четверо, двое умерли.

— Послушайте моего совета, вы ничем себе не поможете, если будете что-то скрывать. Вы хотите выручить Гофруа? Человека, который шантажировал вас из-за кражи, совершенной в минуту отчаяния?

Сарьяк быстро терял остатки самообладания. Он бессильно опустился на подставленный Брассаром стул.

— Мой адвокат...— задыхаясь, заговорил было он.

— Ваш адвокат тут бессилен. Мы располагаем уликами, но нам нужны показания, чтобы привлечь Гофруа к уголовной ответственности. Если вы поможете нам... Я ничего не обещаю, но постараюсь сделать для вас все, что в моих силах. Думаю, вы не такой, как все остальные. Видимо, вас вынудили на преступление.— Женэ умолк, выжидая, клюнет ли Сарьяк на брошенную приманку. Ювелир лихорадочно пошарил в кармане, извлек носовой платок и вытер струившийся с лица пот.— Вероятно, вас на это толкнула болезнь жены,— продолжал Женэ.— Вы ее очень любите?

Губы Сарьяка дрогнули.

— Вы и понятия не имеете, каково мне было. Я работал клерком и получал гроши. Целые дни я торчал в магазине, где любая драгоценность — кольцо или брошка могли спасти нас от страданий.

Женэ не позволил и тени удовлетворения появиться у него на лице.

— Вы не знаете, что значит кого-то любить и сознавать, что вы бессильны помочь любимому человеку. Вы не знаете, что значит слышать плач голодных детей. Проходит некоторое время, и вы начинаете задавать себе вопрос: а правильно ли это — ставить честность выше страданий детей?

Женэ молчал. В комнате, несмотря на долетавшие с улицы звуки, слышалось лишь царапанье пера стенографиста. Заговорив, Сарьяк уже не мог остановиться.

— Я долго пытался удержаться, господин комиссар, поверьте. Я закладывал все, что можно, пока не оказалось, что закладывать уже нечего. Потом, как-то ночью, магазин был ограблен. Я обнаружил это утром, когда пришел на службу, и сразу же обратил внимание на открытый сейф. Вообще-то его всегда открывал только сам Мартен, а теперь он стоял с распахнутой дверцей.

— Замок был сломан?

— Сейф открыл человек, который знал комбинацию знаков замка. Грабитель спешил и не заметил одной вещицы — небольшого футляра с бриллиантовой брошкой. У меня тут же мелькнула мысль: кто узнает, что он не захватил и этой вещицы? Я держал футляр и думал о жене. Не могу сейчас сказать, что я тогда чувствовал. Затем я услыхал, что дверь позади меня открывается (это пришел Мартен), и, не думая, сунул футляр в карман.

— Но в архивах полиции нет никаких упоминаний об ограблении магазина,— заметил Женэ.

— Правильно. Мартен и не обращался в полицию.

— Я должен поверить, что Мартена ограбили, а он и не заикнулся об этом?

— Я говорю о том, что знаю. У Мартена был сын — молодой повеса, доставлявший семье массу неприятностей. Хозяин с первого взгляда понял, кто совершил ограбление: сейф у него в доме, где он хранил запись комбинации, оказался взломанным, поэтому-то он и примчался в магазин так рано. Его сын исчез вместе с драгоценностями, а чуть позже выяснилось, что он вообще смылся из Парижа.

«Возможно, он не лжет,— подумал Женэ и многозначительно взглянул на Брассара.— Во всяком случае, все это можно проверить».

— Ну хорошо, продолжайте.

— Видите ли... Спустя несколько дней я отправился к Гофруа.— Сарьяк снова вытер лоб, покрытый обильным потом.— Он, конечно, ничего не знал об ограблении и не поверил ни одному моему слову, когда я наговорил ему что-то о том, как у меня оказалась брошь. Гофруа, как выяснилось, знал, что я работаю в магазине Мартена, и заявил, что не хочет нарваться на крупную неприятность, скупая краденые вещи.

Я не сомневался, что Гофруа не впервые занимается подобными операциями и просто морочит мне голову, чтобы купить брошку подешевле. Потом он сказал, что подумает, и предложил зайти в другой раз. Брошку он оставил у себя.— Лицо Сарьяка исказилось при воспоминании о пережитом ужасе.— Я решил, что он хочет рассказать обо мне Мартену, и чуть не сошел с ума. Вскоре я обнаружил за собой слежку. Она велась не по указанию Мартена, как я сначала подумал, а по указанию Гофруа.

— Вы знаете того, кто за вами следил?

— Сегодня я видел его здесь, вы назвали его Вакулёром. По-моему, он когда-то служил в полиции.

— Продолжайте,— кивнул Женэ.

— Я уже не сомневался, что никакой надежды у меня не осталось, и как-то ночью хотел броситься в Сену, но подумал о жене и не решился. Гофруа заставил меня трижды приходить к нему — всякий раз под каким-нибудь новым предлогом.

— И что же произошло в третий раз?

— Он заявил, что намерен сделать мне предложение. По его словам, он навел справки, и теперь ему все обо мне известно. Ему кажется, что я мог бы быть ему полезным. Он даст мне возможность заработать гораздо больше, чем стоит бриллиантовая брошь, а кроме того, я буду приносить пользу общему делу.

Я догадался, к чему клонит Гофруа, но что мне оставалось? Если бы он сообщил обо мне Мартену, я оказался бы в тюрьме. Оберегая репутацию своей семьи, Мартен скрыл преступление сына, но меня, продавца, он бы не пощадил. Гофруа далее сказал, что немцы хотели бы установить дружеские отношения с французами, но этому мешают всякие смутьяны. Во имя закона и порядка и для сохранения мира, которого мы все так жаждем, надо избавиться от таких людей. Я спросил: «Вы хотите, чтобы я стал немецким шпионом?» Гофруа ответил, что немцам нужен надежный агент в том районе Парижа, где я жил,— около площади Бастилии. По имевшимся у немцев данным, там в одном из домов иногда собирались люди и устраивались какие-то собрания. Если бы я узнал какие-нибудь подробности и время собраний и сообщил немцам, меня бы хорошо вознаградили и вернули мне брошь. Охваченный ужасом, я не мог сказать ни да, ни нет, но обещал подумать. Я все еще помню его взгляд. Гофруа прекрасно знал, как оказывать давление на человека. Он сказал: «Думайте на здоровье, но через двадцать четыре часа брошь будет возвращена Мартену».

Я ушел. Я знал дом, о котором говорил Гофруа,— о нем и о том, что там происходило, знали многие жившие по соседству. Что я мог сделать? Что сделали бы вы на моем месте?

Лицо Женэ приняло жесткое выражение, но он сдержался.

— И в обмен на оказанную услугу вам, очевидно, вернули брошь? — спросил он с холодной усмешкой.

— Нет,— едва слышно ответил Сарьян.— Вы же знаете, он этого не сделал.

— Что же произошло дальше?

— Он заплатил мне и заставил выдать расписку в получении денег. Я просил его вернуть брошку, но он ответил, что я получу ее, когда заслужу.

— А дальше?

— Гофруа заявил, что теперь я волей-неволей должен работать на немцев. Если патриоты узнают о моем предательстве, за мою жизнь никто не даст и сантима. «Больше у меня не появляйтесь,— предупредил Гофруа.— Звоните вот по этому телефону и спрашивайте Альберта». Он назвал номер телефона и заставил повторять, пока я не запомнил. После того как Альберт ответит, я должен был сказать: «Говорит Антуан» — и выслушать соответствующие указания. Гофруа предостерег меня от попытки выкинуть какой-нибудь трюк и обмануть его — тогда смерть ждет не только меня, но и жену.

— Вы звонили по этому номеру?

Сарьян закрыл лицо руками.

— Да, много раз. Какой смысл отрицать?

— Вам потом вернули брошь?

— Нет. О, мне, конечно, платили...

— Вам платил Альберт?

— Деньги отправляли почтой, в конвертах.

— Вы получали указания от Альберта... Какая информация его интересовала?

— Всякая мелочь. Не появился ли в нашем районе какой-нибудь незнакомец, не циркулируют ли слухи, что кто-то покупает слишком много продуктов, и все такое.

— Он называл какие-нибудь фамилии?

— Нет. Впрочем, иногда.

— Ну, например, вы не помните такой фамилии — Магрит?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Фамилию Магрит я бы запомнил.

Женэ провел рукой по лицу. Он был обязан заставить этого подонка рассказать все.

— Пойдем дальше. Вы передавали информацию Альберту. Кто он?

— Не знаю.

— Вы что, так и не видели его?

— Ни разу.

— Только разговаривали по телефону?

— Да.

— Что происходило потом?

— Потом? Я получал вознаграждение.

— А брошь, как вы утверждаете, так и не вернули вам?

— Да. Я часто напоминал о ней Альберту, но он каждый раз выдвигал какой-нибудь предлог, а идти к Гофруа я боялся.

— По какому телефону вы звонили?

Сарьян на мгновение заколебался.

— Литре... Литре... Нет, не могу вспомнить.

— Может, он сохранился где-нибудь в ваших записях?

— Нет.

— А между тем это очень важно для нас.

— Но ведь прошло более восьми лет. Литре... Не могу припомнить. Возможно, позднее.

«Станция с индексом «Литре» обслуживает левый берег Сены,— подумал Женэ.— Сразу же через реку». Опустив голову, он, казалось, внимательно рассматривал название телефонной станции, только что записанное на листе бумаги.

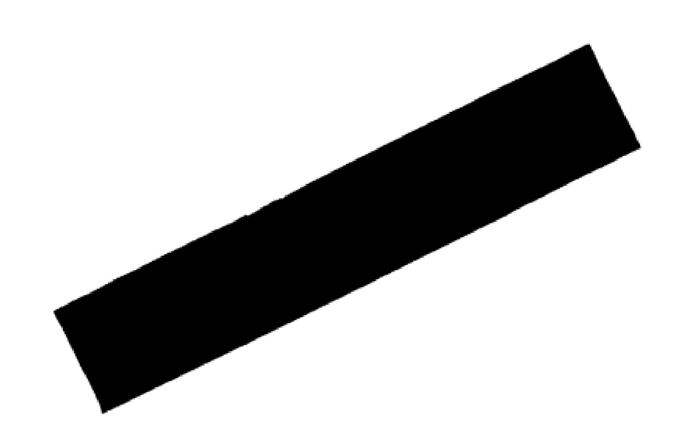
— Вы богатый человек, Сарьян, правда?

— Не совсем так, господин комиссар. Но мой магазин торгует неплохо.

— Откуда у вас деньги? Я имею в виду основной капитал.

Продолжение следует.

ВЗЛЕТ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

Вышел в свет шестой номер журнала Ассоциации афро-азиатских писателей «Лотос».

Значительная часть его посвящена столетию В. И. Ленина. В редакционной статье говорится, что ленинский юбилей отмечался не только в СССР и странах социализма, но и во всем мире. На симпозиумах афро-азиатских творческих работников, посвященных этому знаменательному событию, обсуждались задачи национально-освободительного движения, борьбы с колониализмом и сионизмом, отмечалось глубокое влияние ленинских идей на национальные литературы и искусство.

Наряду с публицистическими статьями и исследованиями известных писателей на ленинскую тему «Ленин и литература» Юсефа эс-Сибаи (ОАР), «Могучий источник» Камиля Яшена (СССР), «В. И. Ленин, литература и искусство» Гали Шукри (ОАР) и «Имя Ленина на знамени авангарда литераторов Арабского Востока» советского арабиста Гр. Шарбатова в шестом номере «Лотоса» дана стихотворная подборка ведущих арабских поэтов о В. И. Ленине и стихи советских поэтов Геворга Эмина, Ярослава Смелякова, Николая Тихонова. Поэт из Ирака Мохаммед Салех Бахр аль-Улюм обращается к Ленину со словами:

Ленин! Твоим ученьем клянусь,
Клянусь я миром, что помнит тебя,
Что имя твое будет вечно жить,
Что ты народам дорог, как мать.

В очередном номере журнала «Лотос», как и прежде, представлены лучшие литературные силы различных районов двух великих континентов.

Работы различных поколений литераторов пронизаны неколебимым принципом свободного выражения мыслей и идей перед лицом выступлений колониализма в области культуры. Подтверждением этому является опубликованное исследование известного индийского писателя Мулк Радж Ананда «Дух гуманизма в культуре Индии и Юго-Восточной Азии по окончании западного господства», очерк известного египетского критика д-ра Абдель Азиз эль-Ахвани «Арабская интеллигенция и неоколониализм» и работа Мохаммеда Гавер эль-Ансари «Современная литература Бахрейна».

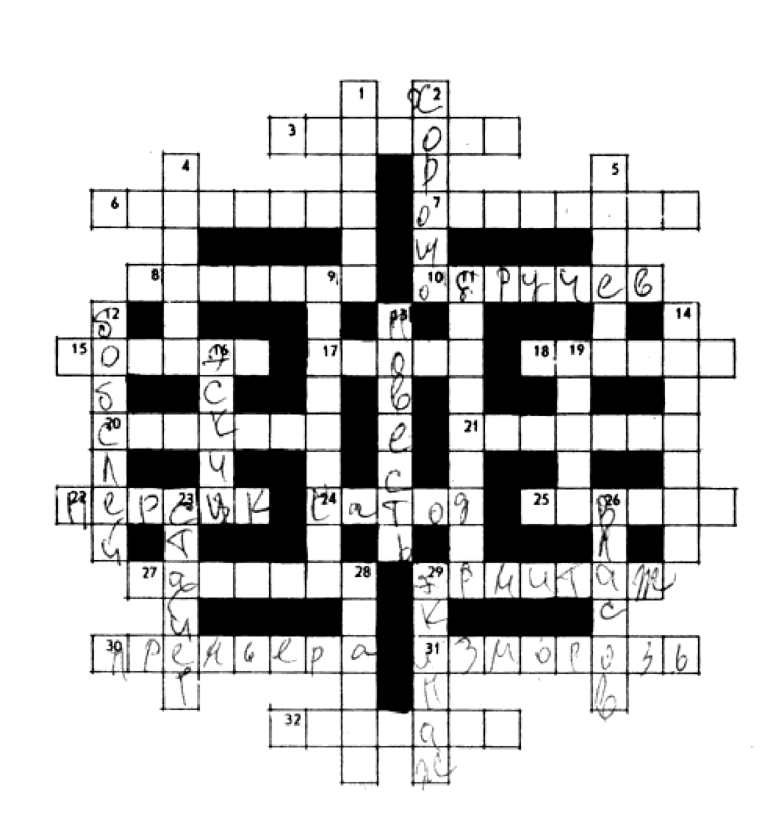
В этом номере «Лотоса» мы находим рассказы Ленри Петерса из Гамбии «Верховая езда», турецкого писателя Кемаль Бильбасара «Продажа Салтанат», «Мечты усталого моряка» писателя из Туниса Ибрагима эль-Асуада, «Второй визит» Джеймса Мэттьюза из Южной Африки, а также рассказ советского писателя Берды Кербабаева «Сын Тырран Тентека».

Еще шире представлена в этой книжке журнала поэзия. Здесь стихи молодого Онезимо Сильвейра с островов Зеленого Мыса, народы которых отважно сражаются за освобождение своей родины. Южная Африка представлена известным поэтом и исследователем Мазизе Кунене. В стихах его отражены философские и литературные традиции народа зулу. Опубликованы четыре стихотворения Саджада Захира — индийского критика и романиста, активного участника афро-азиатского писательского движения. Блестящий палестинский поэт Сопротивления, один из первых лауреатов премии «Лотос», активный борец за освобождение своей страны от израильских захватчиков Махмуд Дервиш выступает со стихотворением «Песня и Султан». Кроме перечисленных авторов, в журнале представлены поэт из Судана Джилли Абдель-Рахман, Мохаммед эль-Шейхи из Марокко и палестинский поэт Хусейн Мараване.

Редакция журнала выражает уверенность в том, что каждый свободно мыслящий и честный человек не только в Азии и Африке, но и во всем мире глубоко сочувствует героической борьбе народов этих континентов, ибо она ведется за право каждого живущего на земле активно участвовать в прогрессе всего человечества. Силы империализма не смогут остановить ход исторического развития и препятствовать стремительному взлету свободной мысли нового человека афро-азиатского мира.

Н. КОРОТАЕВА

КРОССВОРД

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Уже само название новой книги Сергея Михалкова определяет ее идею и тему. Все в этой книге просто и вместе с тем героично, как было в жизни военных лет. Русская мать родила и воспитала десятерых детей: семь сыновей и трех дочерей. Все дети, как только грянула война, встали на защиту родного Отечества.

Старший брат Георгий Орлов «...сбил двадцатый самолет в последний день войны». Второй — танкист Степан Орлов — подбил из пушки четыре «тигра» и пять «пантер».

...Балтиец Николай Орлов,
По счету — третий брат,
Был голову сложить готов
За город Ленинград.

Никита плавил броню и по три дня не выходил из цеха; военная сестра Зоя на своих девичьих плечах выносила из-под огня раненых бойцов; ее сестра Вера, рискуя жизнью, водила на фронт военные эшелоны.

Сергей Орлов в Берлин входил,
И среди прочих слов
Он на рейхстаге начертил:
«Здесь был Сергей Орлов!»

Мужественно и храбро сражался с фашистами солдат-связист Андрей Орлов. Не отставала от братьев и сестер Клава. Сам Калинин вручал ей в Кремле медаль «За трудовую доблесть».

На груди шестерых братьев и трех сестер Орловых горят ордена и медали суровых военных лет. И лишь самый младшенький, Павлуша, пока не имел наград. Но...

И он, как маленький боец,
Был с нами в грозный час:
Он встал к станку, он взял резец
И — выполнил заказ.

Орловы, Ивановы, Петровы... Не они ли пронесли знамя великой Победы над фашизмом от стен Москвы и берегов Волги до Берлина? И все они — Ивановы, Петровы, Орловы — дети матери, которая с колыбели и до последнего удара сердца упавшего в бою воина учила свое детище одной заповеди — любить Родину, защищать Родину.

Четкий михалковский стих, предельная лаконичность изображения (ни слова лишнего!), прямая (как штык солдатской винтовки) целеустремленность идеи — все это подчинено главному и единственному мотиву книги — Родине!

Заканчивается книга обобщающим оптимистическим аккордом, славящим матерей наших, которые сумели заложить в души и сердца сынов и дочерей своих

...Порыв Отечеству служить,
Быть стойким до конца.
Пощады от врага не ждать,
Не отступать в бою
И, если нужно, жизнь отдать
За Родину свою!

Книга «Служу Советскому Союзу» глубоко патриотична. Она нужна матерям, которые воспитывают сынов Отечества, и тем, которым еще предстоит стать матерями. Она очень нужна детям. И особенно нужна тогда, когда, по пословице, они еще «лежат поперек лавочки». А когда они вырастут и если грянет беда, они с честью повторят то святое дело, которое совершали дети матери-героини Орловой.

Последнюю, решающую оценку детским книгам мы, родители, делаем тогда, когда эти книги, задевая живые струны, проходят через сердца наших ребятишек.

Приняв «на вооружение» еще с детсадовской поры стихи Сергея Михалкова, мои малыши Егорка и Маша пополнили «патриотический арсенал» своего духовного оружия новой книгой С. Михалкова «Служу Советскому Союзу», прекрасно иллюстрированной художником В. Щегловым.

Иван ЛАЗУТИН

С. Михалков. Служу Советскому Союзу. Издательство «Детская литература», Москва, 1970.

Всегда в строю

К 70-летию И. Л. Прута

В рабочем кабинете Иосифа Прута увидишь шахтерскую каску и зеленую фуражку пограничника, кусок чугуна уральской выплавки и пшеничный колос с Украины, дарственные книги и волшебную резьбу по дереву... И, конечно, стопки писем. Если по штемпелям на конвертах можно изучать географию — Франция, Швейцария, Венгрия, Польша, Бельгия, Чехословакия, Вьетнам,— то по вещам, собранным в квартире, получаешь некоторое представление о сложной и удивительной жизни известного советского драматурга.

Он родился в Таганроге, а школу окончил в Швейцарии, слушал лекции в Париже, а затем в буденовке шел в бой на фронтах гражданской войны.

В этом году на берегу Женевского озера собрались выпускники той швейцарской школы, которую окончил Прут. Из разных стран Европы и Америки прибыли сюда люди отметить приближающееся 70-летие своего товарища по школе, драматурга Прута. И в этом же году районная газета Славска «Ленинский путь» посвятила страницу жизни и творчеству Иосифа Леонидовича Прута — по случаю его приезда в совхоз «Ясновский», что в глубине Калининградской области: там коллектив народного театра поставил спектакль «Князь Мстислав Удалой» по пьесе И. Прута.

Во всем этом я вижу своеобразный «ключ» к пониманию жизни и творчества старейшего советского драматурга. За 50 лет беспрестанного литературного труда он создал 35 художественных фильмов: «Секретарь райкома», «Тринадцать», «Моя любовь», «Взрыв после полуночи»... Написал пьесы «Князь Мстислав Удалой», «Год девятнадцатый», «Я вас люблю», «Тихий океан», «Западная граница», «Артиллеристы», «Две ночи», инсценировал роман А. Фадеева «Разгром»... Он много раз встречался со зрителями после премьер своих спектаклей в Москве и Ленинграде, в Киеве и Праге, в Берлине и Варшаве, в армейских клубах и заводских дворцах культуры. И вот в год его семидесятилетия приходит письмо из совхоза от народного театра, и драматург Прут едет в Славский район и там помогает народному театру глубже понять его пьесу, рассказывает о встречах с корифеями советского театра, о советской и мировой драматургии. Впрочем, также выезжал И. Прут не раз на пограничные заставы, в части Советской Армии (особенно в те, в которых воевал в годы Великой Отечественной войны), на заводы и шахты Кривого Рога.

Где истоки неувядающего, мудрого оптимизма Иосифа Прута, острой драматургии его пьес, высокой гражданственности его творчества? Ответ дает сам писатель:

— Встречи с Алексеем Максимовичем Горьким, его советы и критика определили мой путь в литературу, в кино и театр, дали силы и вдохновение. Я многим обязан Горькому и в трудные минуты всегда вспоминаю его наставления...

— Есть ли у вас неопубликованные произведения?— спрашиваю я драматурга.

— То, что увидело свет,— примерно половина того, что написано,— отвечает И. Прут.— Остальное все еще вынашивается и переписывается. Радиопьесы «Золотой песок» и «Сердце дьявола» были написаны мною давно, но услышали их только сейчас.

В этой высокой требовательности к своему творчеству весь Иосиф Леонидович Прут. Ему 70 лет. Но как молод, бодр, силен и весел этот талантливый драматург! Певец мужества, душевной красоты советского человека, он и сейчас в труде, в своих новых пьесах. В строю.

Е. РЯБЧИКОВ

По горизонтали: 3. Курорт в Грузии. 6. Чертежный инструмент. 7. Кормовой злак. 8. Животное семейства оленей. 10. Советский геолог и географ, академик. 15. Танец. 17. Коралловый остров. 18. Трагедия Шекспира. 20. Знойный ветер в Южной Европе. 21. Полевой цветок. 22. Южное плодовое дерево. 24. Электронная лампа. 25. Птица семейства фазановых. 27. Столица европейского государства. 29. Музей в Ленинграде. 30. Первое представление. 31. Атмосферные осадки. 32. Молочный продукт.

По вертикали: 1. Огородное растение, овощ. 2. Поэма В. Маяковского. 4. Специальность рабочего. 5. Областной центр в РСФСР. 9. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 11. Вышка, надстройка над зданием. 12. Спортивные сани. 13. Литературно-художественное произведение. 14. Химический элемент. 16. Набросок чертежа, рисунка. 19. Объявление о спектакле, лекции. 23. Бегун на длинные дистанции. 26. Персонаж романа М. Горького «Мать». 28. Река в Якутии. 29. Команда корабля, самолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 3. Гватемала. 4. Ванилин. 9. Леонкавалло. 13. Самарий. 14. Капелла. 15. «Вадим». 17. Доминанта. 18. Санаторий. 21. Карта. 23. Адмирал. 24. Пекарня. 27. Буревестник. 28. Вельбот. 29. Антресоль.

По вертикали: 1. «Западня». 2. Санитар. 5. Иравади. 6. Зефир. 7. Алмаз. 8. Красноводск. 10. Телевидение. 11. Магницкий. 12. Термостат. 15. Виток. 16. «Млада». 19. Врубель. 20. Машук. 22. Сепия. 25. Семестр. 26. Строчок.

●

На первой странице обложки: Победители Всесоюзного соревнования механизаторов-пахарей 1970 года: Иван Левицкий — тракторист колхоза «Родина», Черновицкой области, и Илга Свилпе из колхоза «Сарканайс Стрелниекс», Латвийской ССР.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Миномет большой мощности (см. в номере репортаж «Самовары-самопалы»).

Фото Г. Макарова.

●

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/X-70 г. А 00490. Подп. к печ. 10/XI-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2468. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2995.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

От заводских ворот до Красной площади.

Высоко, в самое небо взлетает праздничный марш. Морозный воздух, словно серебряными молоточками, вычеканивает каждый звук мелодии. Голосистые трубы вплетают свою скороговорку в солидное гудение теноров и баритонов, а басы с альтами бодро подхватывают гулкий такт барабана:

— Левой, левой, левой!

Гремит оркестр, шагает рабочая колонна Московского электрозавода имени В. В. Куйбышева.

Вот уже сорок лет сопровождает на праздничные демонстрации коллектив завода его оркестр. Все музыканты в нем — от дирижера до барабанщика — свои, заводские люди: слесари, токари, шоферы...

На Красную площадь куйбышевцы вступают с гордым чувством: пятилетку завод завершил еще девятого октября и теперь до конца года выдаст сверхплановой продукции на несколько миллионов рублей.

Потому и настроение такое радостное, и шаг четкий, и оркестр гремит так звучно и празднично.

ГРЕМИТ

Фоторепортаж И. ТУНКЕЛЯ.

Шестнадцать лет руководит оркестром токарь М. А. Сухих.

●

В заводской колонне — ударник коммунистического труда сборщица Валя Сафонова.

●

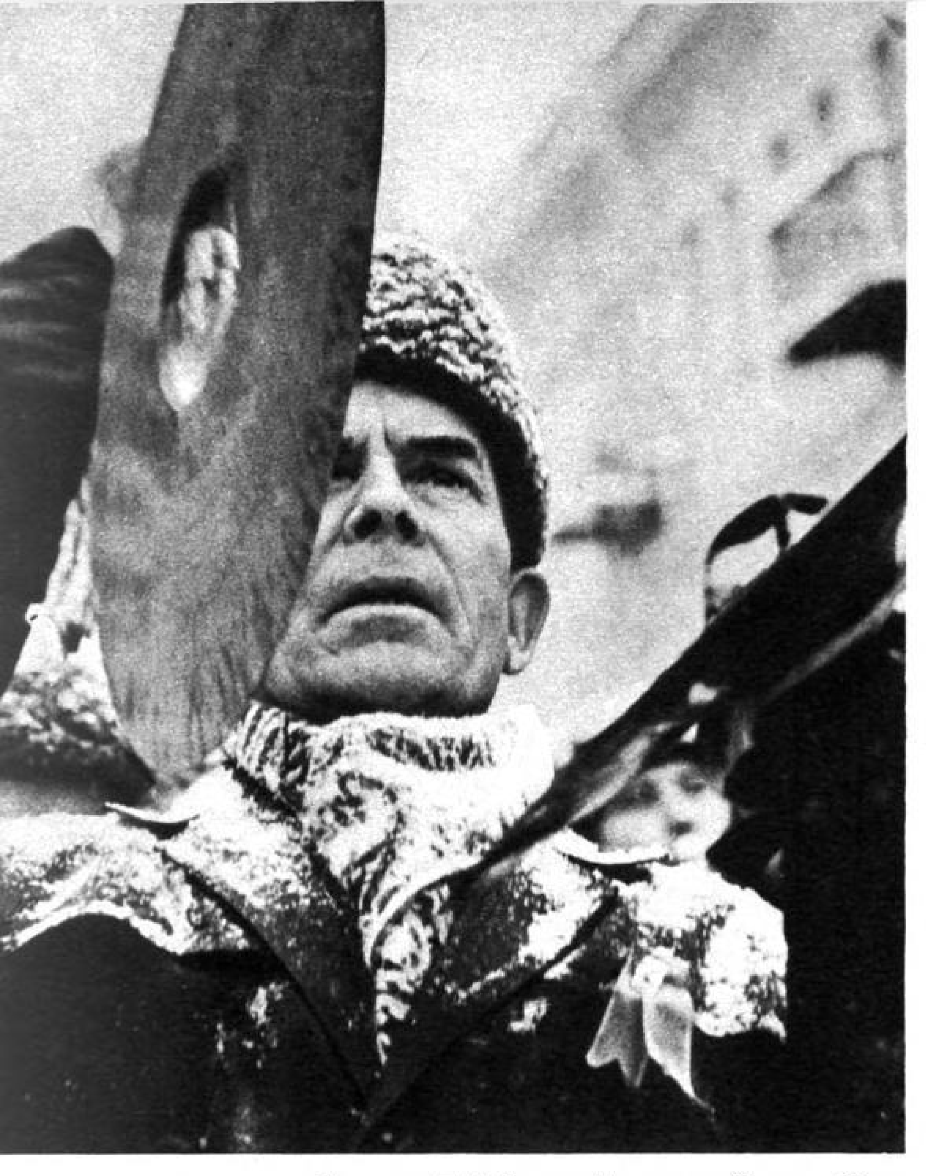
«Сын оркестра».

МУЗЫКА ЗАВОДСКАЯ

Диспетчер П. А. Калида. Музыкальный стаж —40 лет.

Слесарь В. Г. Польский — баритонист.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.